

**Военные
Приключения**

СПИСОК ВОЙНЫ

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛНЯЕВ

Военные приключения

Валерий Поволяев

Список войны (сборник)

«ВЕЧЕ»

2012

Поволяев В. Д.

Список войны (сборник) / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Военные приключения)

В разведке пополнение... Старшему лейтенанту Горшкову предстоит подобрать себе надёжную команду. Выбор – нелёгкий: хочется заполучить людей опытных, хотя война через какой-то месяц уравнивает и «стариков», и «новичков». Опасные рейды в тыл врага предстоит совершать и отсидевшему срок в зоне Мустафе, и старшине Охворостову, и совсем молоденькому парнишке Вольке. Их объединяет одно – желание победить противника и выжить любой ценой... Новые произведения известного российского писателя рассказывают о Великой Отечественной войне.

© Поволяев В. Д., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Список войны	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Поволяев

Список войны (сборник)

© Поволяев В.Д., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Моему давнему другу Юрию Ильичу Скуратову посвящается эта книга

Список войны

Пополнение привезли на четырёх новеньких «зисах» — машинах завода имени Сталина, сработанных на скорую руку уже на Урале, а не в Москве, с пахнущими краской кабинами, с фарами, на которые были надеты колпаки с прорезями, чтобы ночью свет автомобилей не был виден с воздуха и машины не атакывали немецкие самолёты, с кузовами, битком набитыми людьми в солдатской форме.

Часть прибывшего пополнения была уже потёрта фронтом, покарябана — побывала в боях, получила ранения и отвалилась своё в госпиталях, часть была вообще необмита — совсем зелёные новички... Конечно, командиры, приехавшие за пополнением и разобравшие его в несколько минут, гонялись в основном за «старичками» — опытные солдаты были очень нужны, на новичков поглядывали недружелюбно и брали их к себе неохотно — слишком уж много предстоит с ними мороки, им ещё надо объяснять, с какого бока подходить к винтовке, где у неё дуло с мушкой, а где приклад с железной пластиной упора, но даже и после подробных объяснений нельзя будет считать, что новички стали солдатами...

Вот когда повоюет иной парнишка месяц-полтора, пропитается порохом до самого кобчика, тогда можно будет вносить его в разные списки и ставить на настоящее довольствие. Хотя на довольствие они попадают гораздо раньше, иногда даже до того, как появятся в части.

Старший лейтенант Горшков только подивился тому, как быстро растаял строй пополнения — очень уж подсустились товарищи командиры, — с огорчением подумал о том, что надо было бы приехать минут на десять раньше, но не вышло, получилось то, что получилось, в строю пополнения осталось лишь человек пять хлипких прыщавых юнцов, один колченогий дедок с ходулями такими кривыми, что их можно использовать вместо циркуля, да приземистый человек с рысьими светлыми глазами и какой-то сожаляющей улыбкой, прочно приклеившейся к твёрдым жёстким губами.

Горшков озадаченно почесал затылок: брать было некого.

Водители «зисов» выстроили своих железных коней в рядок и отбыли колонной — так же, как и прибыли, рядком... Едва рокот автомобильных моторов стих, как стал слышен другой рокот — где-то за облаками ходил самолёт, судя по всему, с характерным собачьим «гау-гау-гау», но поскольку облака наплзли плотные, ни одной дырки в них, пилот был слеп, как крот, его можно было не опасаться. Напрасно водители «зисов» поторопились... А с другой стороны, беспокоиться о собственной жизни никому не возбраняется. Горшков прошёлся вдоль жидкого строя оставшихся, по лицу его было хорошо видно, что он думает о сложившейся ситуации, о людях, тянущихся перед ним во «фрунт».

Впрочем, один из прибывших и не думал тянуться перед командиром — независимо поглядывал в сторону и что-то тихонько сплёвывал на землю, словно бы к губам у него прилип банный лист и он теперь скусывал его по частям.

Это был мужичок с плоским загорелым лицом и рысьими глазами.

Горшков остановился перед ним.

— Как тебя зовут?

Мужичок окинул старшего лейтенанта оценивающим взором, — с головы до ног прошёлся, — и ответил неторопливо, с достоинством:

— Мустафа.

— Где крещение порохом и дымом принимал, Мустафа?

— Под городом дедушки Калинина, в декабре сорок первого...

— Значит, под Калинином. А до этого где был?

Мустафа чуть приметно усмехнулся.

— В зоне.

— Сидел?

— Сидел.

— За что?

— Да так. Развлекался мало-помалу.

— Значит, серьёзно развлекался, иначе бы не посадили.

Старший лейтенант ещё раз окинул Мустафу взглядом, подумал о том, что в полку к этому человеку могут придрататься, поскольку полк их, артиллерийский, считается элитным, да и вообще артиллеристы — это белая кость в армии, образованные люди, сливки, — тем не менее спросил Мустафу:

— Ординарцем ко мне пойдёшь?

— А возьмёте?

— Раз предлагаю — значит, возьму.

Мустафа поддел под лямку тощий «сидор», висевший у него на плече и произнёс тихо и спокойно:

— Хотя и не привык я начальству сапоги чистить, но к вам пойду, — видимо, что-то сработало в нём, он оценил командира, стоявшего перед ним, и поверил ему.

— Я, Мустафа, начальник разведки артиллерийского полка и сапоги мне чистить обязательно, если надо, я их и сам могу почистить, но вот когда пойду на ту сторону фронта, с разведчиками, со мной надо идти обязательно.

У Мустафы, когда он услышал об этом, даже выражение глаз изменилось — то ли посветлели они больше обычного, то ли загорелись — запылали в них крохотные костерки, изменили взгляд, то ли произошло что-то ещё, прошло всего несколько мгновений, и перед Горшковым стоял уже другой человек.

— Разведку я уважаю, — проговорил Мустафа прежним тихим голосом.

— Тогда поехали, друг, — старший лейтенант махнул рукой, забирая бывшего зека, расписался в ведомости у тщедушного горбоносого младшего политрука, отвечавшего за целостность пополнения, и пошёл к своей машине — полуторке с обломанными бортами — на неё во время бомбёжки рухнуло тяжёлое дерево, — по дороге спросил:

— Чтобы быть полезным в разведке, делать что-нибудь умеешь?

Мустафа неопределённо приподнял одно плечо, почесался о него щекой и произнёс простодушно:

— Не знаю. Может, умею, а может, и нет.

— Ну, например? — Горшков остановился, испытующе посмотрел на Мустафу.

Тот также остановился, сунул руку за голенище и вытащил оттуда нож. Небольшой самодельный финский нож с цветной наборной ручкой и прочными алюминиевыми усиками. Лёгким движением послал нож вниз, себе под сапоги.

Нож всадили в землю по самые усики.

— Ну и что? — недоумённо спросил старший лейтенант. — В чём фокус?

Мустафа молча извлёк нож из земли, снова взмахнул им и лезвие вошло точно в прежний след, в прорезь, оставленную первым ударом, миллиметр в миллиметр. Горшков хмыкнул непроизвольно: а ведь действительно в этом что-то есть... Мустафа тем временем снова выдернул нож из земли и опять вогнал нож в старую щель — в третий раз не нарушил прорезь ни на миллиметр. Предложил:

— Может, попробуете, товарищ старший лейтенант?

— А ведь ей-ей, хрен повторишь? — сомневающимся тоном проговорил Горшков, покачал головой, словно бы осуждая себя за что-то, потом нагнулся, вытащил нож из земли, скребнул пальцем по лезвию. — И не жалко тебе, Мустафа, такой острый нож тупить?

— Я его наточу, это дело недолгое.

Горшков задержал в себе дыхание, будто перед показательной стрельбой на учениях, прицелился, внёс небольшую поправку, глядя на кончик острия прищуренным глазом, и метнул нож в прорезь, оставленную Мустафой. Крякнул досадливо — нож всадились в землю по самую рукоятку сантиметрах в семи от прорези.

— Тьфу! — сплюнул себе под ноги старший лейтенант. — Наваждение какое-то. Такое простое дело, а мимо почему-то.

Мустафа вежливо рассмеялся.

— Да не наваждение, товарищ старший лейтенант, а тренировка.

Старший лейтенант почувствовал, что он начинает заводиться.

— Дай-ка, попробую ещё разок, — сказал он, берясь за рукоять ножа.

— Попыток не пыток, — коряво, искажённой пословицей, отозвался на это Мустафа.

Вытащив нож, Горшков несколько мгновений держал его в руке, словно проверял на тяжесть, либо искал центр, точно разделяющий черенок с лезвием, поморщился озадаченно, ухватился за нож поудобнее и снова послал его в землю. Опять мимо — до прорези не дотянул сантиметра три.

— Ну-ка, попробуй снова ты, — сказал старший лейтенант, протянул нож Мустафе.

Тот понимающе наклонил голову, ловко перехватил нож и без всяких примерок, без прицеливания, отправил его в землю, в след, оставленный последним броском старшего лейтенанта, затем нагнулся, вытащил финку — движения были отлаженными, точными и, не оставиваясь ни на секунду, сильно и ловко кинул нож себе под сапоги. Только комочки влажной земли брызнули в разные стороны.

Лезвие точно вошло в старый разрез, оставшийся после ударов Мустафы.

— Ловко, — удивлённо произнёс старший лейтенант. — Простая вроде бы вещь, а семь потов надо пролить, прежде чем получится что-то путное...

— Больше, товарищ командир, — серьёзным, даже чуточку опечаленным, а может быть, обиженным тоном проговорил Мустафа, — не семь потов, и не семнадцать, и даже не семьдесят... Для этого надо посидеть в лагере.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — недовольно дёрнул головой старший лейтенант. — Лучше не надо... Это нам, пардоньте, совсем ни к чему.

— Тьфу, тьфу, тьфу! — повторил Мустафа плевок старшего лейтенанта. — Я имел в виду совсем не это.

— А в дерево со скольких метров попадаешь? — спросил Горшков.

— Ну-у... если нож с тяжёлым лезвием, утяжелённым ртутью или свинцом, могу даже с двадцати метров попасть.

— А больше?

— Больше — вряд ли.

— Ну-ка, попробуем...

— Не верите? — Мустафа улыбнулся, блеснув чистыми, на удивление молодыми крепкими зубами. — Ваше право. Я бы тоже, наверное, не поверил.

Полуторка старшего лейтенанта стояла под вялой, с обломанными сучьями берёзой. Ствол дерева был сильно посечён осколками. Горшков показал пальцем на берёзу:

— Попробуем?

— Попыток не пыток, — привычно произнёс в ответ Мустафа.

Старший лейтенант подошёл к берёзе и стал шагами измерять пространство. Отмерив пятнадцать шагов, остановился.

— Ну, Мустафа, сколько метров ещё отматывать?

— Давайте, товарищ командир, как и договорились, остановимся на двадцати.

— Двадцать так двадцать, — произнёс Горшков согласно, отсчитал ещё пять метров и провёл носком сапога на земле черту. — Есть двадцатка. Вот риска.

Мустафа, ловко подкидывая нож и ловя его на ходу — каждый раз нож оказывался наборной ручкой в ладони, приблизился к риску, встал около неё и несколько мгновений стоял молча, вглядываясь в изувеченный ствол и вслепую подкидывая и ловя нож.

Потом, поймав его в очередной раз, сильно взмахнул рукой.

В воздухе раздался свист. Нож нёсся, как пуля, он почти не был виден, достиг берёзового ствола и всадились в него.

Горшков не выдержал, похлопал в ладони, лицо старшего лейтенанта сделалось весёлым, открытым, будто он что-то выиграл в карты.

— Bravo, Мустафа!

Мустафа, никак не реагируя на восторги старшего лейтенанта, прошёл к берёзе, выдернул из ствола нож.

— Ехать пора, товарищ командир, — произнёс он негромко.

— Счас поедом. Доберёмся до части, там нас ждёт обед.

— Пообедать и тут можно. У меня есть полбуханки хлеба и банка немецкой консервированной колбасы.

— Я тоже не пустой. Но первое мы с тобой вряд ли сумеем сгородить. А я хочу первого отведать, супа какого-нибудь. На сухоматке мы с тобой ещё насидимся — когда в разведку пойдём... — Горшков оглянулся на полуторку. В кабине спал, положив голову на руль, водитель. — Да и шофёр — едок не промах, имеет изнеженное брюхо, вряд ли согласится на сухоматку. Ладно, поехали, друг Мустафа...

— Как скажете, товарищ старший лейтенант, так и будет.

Мустафа прыгнул в кузов, Горшков уселся рядом с шофёром, длинноносый унылый парнем с висячим пыльным чубом, закрывавшим с одной стороны глаз едва ли не целиком, шофёр зевнул, откинул чупрынь в сторону и завёл мотор.

Дорога была изрыта воронками, скорость не наберёшь даже самую малую — колёса обязательно унесёт на ближайшее дерево, поэтому шофёр ожесточённо тряс чубом и матерился, объезжая воронки и короткими бросками продвигаясь вперёд.

Неожиданно он нажал на тормоз и остановил машину, чуть не уткнувшись лицом в ветровое стекло. Сморщился болезненно, будто в него угодила пуля.

— Господи, — прошептал он неверяще, — Вовка Макаров... Неужели это ты? — Шофёр всхлипнул зажато, тоненько, словно бы в нём что-то отказало — взяла и оборвалась внутри нужная мышца и жизнь сразу сделалась бессмысленной.

Впереди, между двумя голыми, напрочь очищенными от веток и сучьев деревьями, стоял старенький грузовик и медленно догорал. Задние колёса у грузовика были оторваны, проломленным кузовом автомобиль опустился в свежую, источавшую едкий дым воронку.

— Вовка! — горестно взвыл водитель и выскочил из кабины.

Старший лейтенант выскочил следом.

Собственно, кузова у грузовика уже не было, вместо днища зияла большая дыра. Снаряд, прилетевший издалека, умудрился выбрать себе цель и точно угодил в неё, проломил кузов грузовика и взорвался в земле.

От шофёра после таких попаданий обычно остаётся одна оболочка — кожа с переломанными костями. Да бурые пятна на потолке кабины.

Водитель полуторки обежал раскуроченный грузовик кругом, простонал на ходу:

— Володька... За что же тебе такое наказание?

Кабина светилась от частых дыр, в наполовину сбритой осколками крыше серело недоброе тусклое небо. То, что осталось от неведомого водителя Володьки, было обычной окровавленной кучей тряпья, сверху накрытой помятой пилоткой-маломеркой.

— Мака-аров! — взвыл водитель полуторки громко, затряс головой, сыпя вокруг себя слёзы.

Старший лейтенант обошёл грузовик следом за водителем полуторки, удручённо почесал пальцем затылок: на спасение у шофёра не было ни одного шанса.

— Что же ты, земля, — водитель полуторки вновь обрызгал пространство слезами, — как же ты промахнулся?

— А что он мог сделать? — спросил Горшков. — Отпихнуть от себя снаряд ногой?

Водитель полуторки повыл ещё немного и умолк, начал деловито суетиться, выламывать из разбитых бортов куски дерева, потом остановился и тупо, как-то остервенело поглядел на старшего лейтенанта.

— Надо бы Володьку в часть отвезти, товарищ командир, похоронить там.

— Да от него ничего не осталось. Один воздух с тряпками.

— Что делать, что делать...

— Похоронить здесь, на обочине дороги, рядом с машиной, чего же. Лопата есть?

— Есть.

— Доставай, — Горшков оглянулся на полуторку, призывно махнул рукой. — Слезай, Мустафа, предстоят земляные работы.

Мустафа легко перелетел через борт, при приземлении смачно бултыхнулся разбитыми сапогами. Заглянул в кабину грузовика.

— Не повезло парню.

Водитель полуторки отошёл в сторону, отмерил лопатой прямоугольник могилы.

— Одно хорошо — земля сухая, песка в ней много, — с хакеньем вогнал лезвие под густой травяной куст, с хрустом подрезал корни, — лежать в земле приятно.

Старший лейтенант подивился: какое значение имеет сейчас эта ерунда? Приятно лежать, неприятно... Тьфу! Главное, что Володьки этого уже нет. Нету! И не будет никогда. Горшков почувствовал, что у него сами по себе раздражённо задёрнулись уголки рта. Водитель полуторки выдохся быстро, воткнул лопату в землю и ухватился обеими руками за поясицу.

— Охо-хо-о... Ноет, проклятая, — пожаловался он старшему лейтенанту, лицо его стало плаксивым. — Пуля засела в прошлом году, так её и не вытащили.

Старший лейтенант перехватил лопату, примерился, но копать ему не дал Мустафа.

— Не царское это дело, товарищ командир. Дайте-ка!

Работал Мустафа сноровисто, ловко, только земля отлетала в сторону непрерывно, не прошло и получаса, как могила была вырыта.

Водитель полуторки, увидев это, захныкал вновь, хныканье быстро перешло в хриплый, забитый мокротой вой.

— Воло-одька!

— Мустафа, обыщи разбитый грузовик, может, какое-нибудь полотно найдётся? — не обращая внимания на вой водителя, приказал старший лейтенант. — Неудобно хоронить человека без какой-либо домовины.

Мустафа понимающе кивнул.

— В кабине посмотри, под сидением. Наверняка у шофёра была подстилка... Когда он забирался под грузовик чего-нибудь отремонтировать, то как пить дать подстилал что-то под себя...

Под сидением действительно нашлась пропахшая бензином, в пятнах мазута, в нескольких местах проткнутая осколками, подстилка. В неё и завернули то, что осталось от неведомого Володьки Макарова.

Водитель полуторки вновь не сумел сдержать себя, заплакал, затряс плечами, потом заревел в голос — у Горшкова даже сдавило горло.

— Тихо ты! — рявкнул он на водителя. Тот подёргал плечами ещё немного и умолк. — Лучше дощечку какую-нибудь найди — на могиле надо надпись оставить.

Размякший, будто разварившийся, враз сделавшийся рыхлым водитель полуторки, слепя шаря пальцами по воздуху, пошёл к своей машине.

Несмотря на размякшесть и то, что он вроде бы ничего не соображал, водитель довольно быстро отыскал чистую, аккуратно, без заусенцев, обрезанную фанерку, притащил её к старшему лейтенанту.

— Вот.

Могила к этой поре уже была закопана, Мустафа деликатно обшлёпывал её лопатой, лепя аккуратный земляной холмик. Горшков расстегнул свою полевую сумку. Там, в отделении для ручек-самописок, у него гнездились два толстых карандаша — трофейные, чёрный и красный.

Старший лейтенант выдернул красный карандаш. Нарисовал наверху на фанерке звёздочку — обозначил, что здесь похоронен военный человек.

— Как, говоришь, фамилия твоего земели была? Макаров?

— Так точно, Макаров, — горестно кивнул водитель полуторки. — Володька.

— А отчество его как?

Лицо водителя сделалось недоумённым.

— Отчества не знаю. Ведь мы же никогда не обращались друг к другу по отчеству... Только по именам. Эх, Володька!

— Всё, обрёл твой Володька на этой земле вечную хату, — Горшков косо всадил в землю фанерку, постучал сверху камнем, вгоняя её поглубже и поднялся на ноги. — Прощай, друг! Поехали!

Водитель полуторки забрался в кабину, положил руки на руль и поморщился плаксиво: пальцы у него плясали на эбонитовом круге — так расстроился...

— Я не смогу вести машину, — сипло выдавил он из себя.

Горшков, уже усевшийся рядом, молча выпрыгнул из кабины, обошёл полуторку.

Водитель послушно уступил ему руль, старший лейтенант тронул полуторку с места, пригнулся, заглядывая под козырёк кабины: что там наверху, в небе, нет ли «мессеров»?

Небо по-прежнему было серым, плотным, ни одного светлого прогала: погода была нелётной. Впрочем, впереди на дороге поднялся столбик пыли, проворно побежал в сторону... Родился ветер. Если он устоит, если облака и тяжёлое небо не раздавят его, то ветер может справиться с этой обморочной затишьёю и разгонит наволочь. Вот тогда и жди стервятников с крестами, которые начнут поливать дороги свинцом и бросать бомбы.

А пока их можно не бояться.

Разведчики занимали в одном из приусадебных участков просторную клуню, набитую прошлогодним сеном, которое пахло очень и очень вкусно: хозяйская корова с тёлкой были убиты взрывом, их пустили на мясо, а запас сена остался — не выкидывать же его, разведчики понаделали в нём нор, каждый себе индивидуальную, побросали туда вещевые мешки, патроны и прочие нужные манатки — в сене и спать было хорошо, особенно завернувшись в плащ-палатку, и у каждого место своё собственное было.

Горшков поставил полуторку под деревом недалеко от штаба артиллерийского полка, будто любимую корову, чтобы дождик сверху не накапал, хлопнул водителя по плечу и двинулся по широкой ровной улице села, будто по городскому проспекту, к клуне, где его ждали разведчики. Надеялись, что прибудет с пополнением, на деле же вышло, что он прибыл лишь с намёком на пополнение.

Разведчиков у него оставалось немного, с гулькин нос, остальные выбыли: четверо валяются в госпитале, одного даже в Москву отвезли на операцию — немецкая пуля раздробила у него один из позвонков, трое убиты, в клуне же живут — вместе с Горшковым — пять человек. Пять дееспособных солдат, которые и проволоку зубами умеют перекусывать, и суп из топора варить, и поезда под откос пускать подручными средствами без всякого тола и динамита, и

лечить без лекарств, и стрелять без патронов — одним словом, настоящие разведчики. Других людей начальник разведки Горшков не признавал и старался брать к себе только тех, которые ему подходили.

Поскольку клуня стояла в отдалении от старого, с потрескавшейся на крыше дранкой хозяйского дома, то имела свою изгородь, излаженную из кольев, а в изгороди — калитку. Едва старший лейтенант взялся рукой за калитку, как дверца клуни беззвучно распахнулась — именно беззвучно, хотя обычно скрипела так, что было охота выплюнуть собственные зубы, — и показался Коновалов, полнеющий солдат, совсем не похожий на разведчика, с ускользающим взглядом и сбитой набок пряжкой ремня... Это называется — почувствовал товарища командира.

Нюх у Арсюхи Коновалова был такой, что любая собака могла ему позавидовать, за редкостное чутьё Горшков прощал Коновалову и сбитый набок ремень, и всегдашнее желание выловить в общем котле кусок мяса побольше, и природную лень... Но главный талант заключался в том, что Арсюха умел перемещаться по пространству без единого звука, даже по битому стеклу мог ходить бесшумно. В разведке такое умение ценилось высоко.

— Ба! — развёл Арсюха руки в стороны. — Командир вернулся.

— Вернулся, — подтвердил старший лейтенант, — и не один. — Он пропустил вперёд Мустафу. — Знакомься, Коновалов, это Мустафа!

Коновалову одного взгляда было достаточно, чтобы понять, кто такой Мустафа, где крестился и крестился ли вообще, в каких местах провёл одну половину жизни, а в каких другую, и так далее. Он наклонил голову и произнёс с едва приметной усмешкой:

— Будь здоров, Мустафа!

— И ты будь, не кашляй в холодные дни, — в тон Арсюхе отозвался Мустафа, также едва приметно усмехнулся.

Было ясно без всяких слов: эти двое, несмотря на натянутость, возникшую при знакомстве, уже прикинули кое-что и как пить дать сработаются, в любом поиске будут действовать, словно единое целое.

— Меня зовут Арсением, — проговорил через несколько мгновений Коновалов, — можно просто Арсюхой, — не обижусь.

— А меня — Мустафой Ильгизовичем. Тоже, если назовёшь целиком — не обижусь.

Арсюха раскатисто, колыхаясь всем телом и роняя на грудь подбородок, рассмеялся. Мустафа — тоже. Они поняли друг друга до конца, и оба теперь знали, — уже окончательно, без всяких поправок, — как будут действовать в той или иной ситуации — в наступлении, в отступлении, в голодухе или в жирной объедаловке, знали, кто кому и в какой момент протянет руку, а в какой, напротив, отвернёт голову в сторону.

Не оборачиваясь, Арсюха гулко стукнул кулаком по полуоткрытой двери клуни:

— Мужики, вылезайте, — командир новенького привёл.

Внутри клуни что-то зашуршало, словно бы зверь какой переполз по сему с одного места на другое, потом шорох стих, и Мустафа уже подумал, что никто из клуни не вылезет, — отдыхают люди, — но это было не так: дверь отодвинулась ещё на немного и в проёме возникли сразу двое, один человек прикрывал другого, — широкоплечий, чуть сутуловатый, сложенный по-медвежьи, очень прочный мужик с пытливыми маленькими глазками и короткими прядями волос, опущенными беспорядочно на лоб, за медведем этим — явно сибирского разлива, — стоял худой высокий парень в круглых старомодных очках, к дужкам которых была привязана резинка, вытащенная из чьих-то трусов, в новенькой необмятой гимнастёрке, на которой висела медаль «За отвагу» на прямоугольной, довоенного образца колодке, обтянутой муаровой лентой брусничного цвета.

— Старшина группы разведки Охворостов, — представил медведя Горшков, и тот в коротком ленивом движении приподнял одну руку. — Поскольку товарищ Охворостов —

человек в полку очень уважаемый и все к нему относятся с большим почтением, то обращаемся мы к нему только по имени-отчеству... Егор Сергеевич и только так. С ним — самый знающий человек в артиллерийском полку, наш переводчик Игорь Довгялло, прошу любить и жаловать, — представил старший лейтенант второго разведчика, и тот также лениво и коротко приподнял одну руку. Старший лейтенант огляделся. — А где Соломин, что-то не вижу... Куда подевался?

— В деревню ушёл, харч получать, — готовно пояснил Арсюха.

— Харч — дело серьёзное, — сказал старший лейтенант Мустафа, будто тот сам не знал этого, — если вовремя не ухватишь котелок с кулешом за горячую дужку — голодным останешься. — Горшков огляделся вновь, хлопнул ладонью по боку. — Кота не вижу.

— Здесь он, — по-ребячьи шмыгнув носом, доложил Арсюха, — мышь углядел, поймать хочет. — Позвал громко: — Пердунок! Каша на подходе! Не зевни, не то без обеда останешься!

Сено зашуршало громко, наверху отделился пласт и сполз вниз, в следующее мгновение из-под сапог старшины вылез крупный лобастый кот с редкостными зелёными глазами, похожими на изумруды. Состоял он из трёх больших пятен, будто бы сшитых друг с другом: рыжего пятна, чёрного пятна и неровного словно бы с обкусанными краями белого — впрочем, белым это пятно можно было назвать с натяжкой, скорее это было тёмно-серое пятно извозюканное, с прилипшими остями сена. Мыться кот не любил, если его тащили к воде, орал так, что крики его были слышны даже на немецкой стороне и оттуда немедленно открывали артиллерийский огонь, поэтому разведчики решили вымыть кота только когда он превратится из трёхцветного в одноцветного, но миг этот почему-то не наступал: то ли кот втихаря совершал где-то самостоятельные помывки (утреннее облизывание самого себя не в счёт), то ли волос его, бывший когда-то белым, высветлялся сам по себе.

— Вот он, явился, не запылится, — объявил старший лейтенант. — Пердунок собственной персоной. Знакомься, Мустафа!

— А почему вы его прозвали Пердунком? — спросил Мустафа.

— Это тебе Арсюха объяснит. Он над котом командир, — старший лейтенант поправил на голове пилотку. — Пойду, доложусь, что прибыл. Заодно и Соломина подгоню, — Горшков лихо, будто спортсмен на областных соревнованиях, перемахнул через калитку и исчез.

— Ну что, Мустафа, — старшина неторопливо поскрёб ногтем темя, — с прибытием тебя в прославленную боевую часть.

— Спасибо, — сдержанно отозвался Мустафа.

— У нас, у разведчиков, положено прописываться...

— За этим дело не застрянет, — Мустафа сбросил с плеча «сидор» и, раздёрнув горловину, встряхнул мешок. Внутри громыкнули консервные банки. Среди банок, горлышком вверх на манер зенитки, приготовившейся пальнуть по вражескому летательному аппарату, красовалась литровая бутылка. Горлышко бутылки было заткнуто туго скатанным в рулон куском газеты.

Жидкость, плескавшаяся в бутылке, имела мутноватый, схожий с берёзовым соком цвет.

— Что это? — подозрительно сощурившись, спросил старшина.

— Спирт, Егор Сергеевич, чистый спирт, — без улыбки ответил Мустафа, знал, что этот вопрос последует обязательно, — разведённый до сорокаградусной крепости, как водка, и заправленный хреном.

— А хрен-то зачем? Чтоб до печёнок пронимало?

— Нет. Напиток сразу делается вкусным — это раз, и два — никто не догадается, что пьёт спирт.

— Дивны дела твои, Аллах мусульманский, — качнул головой старшина. — А говорят, мусульманам пить разведённый спирт запрещает Коран... А? — не дождавшись ответа, старшина махнул рукой. — По части консервов мы, честно говоря, тоже не бедны — есть кое-что,

а вот по части спирта с хреном, — он покачал головой, почмокал губами и скомандовал: — Наливай!

Мустафа растянул губы в улыбке:

— Ну и скорость!

— Да шучу я, шучу! Торопиться не будем. Надо дожидаться командира — раз, и два — Соломина с обедом. Консервированная тушёнка — это хорошо, а горячий кулеш — много лучше.

— А почему вы кота так необычно назвали, — вновь поинтересовался Мустафа, — Пердунком?

Лицо старшины украсила широкая, во все тридцать два зуба улыбка.

— Пообтираешься рядом с ним пару дней — всё поймёшь сам, — сказал он.

— И всё-таки? — Мустафа был настойчив.

— Кот у нас появился неожиданно, возник на ровном месте, словно из-под земли вытаял... Было это в одной разрушенной деревне. Походил по батареям полка, посетил хозяйственников, которые всегда сыты и у них вкусно пахнет, заглянул в штаб, но нигде не задержался — пришёл к нам. Мы его накормили, кот обнюхал каждого и остался...

— А Пердунком как он заделался? Имя такое — м-м-м... — Мустафа выразительно помотал рукой в воздухе.

— Редкое имя. Во всём Советском Союзе нет кота с такой кличкой. Сидим мы как-то с котом, я его расчёсываю, репы из хвоста выбираю, в это время командир появляется, товарищ старший лейтенант Горшков. Я вскочил, вытянулся, доложил по всей форме, что в подразделении у нас появился, мол, новый боец — кот... Командир тоже присел, тоже начал репы выбирать — надо же с новым бойцом познакомиться. В это время кот напряжился и... испортил воздух. Струю газа пустил такую, что у нас ноздри вывернулись наизнанку, их нужно было вворачивать обратно — вонь была хуже, чем от вражеского танка, заправленного прокишей простоквашей. Командир глянул на меня подозрительно, я на него — на кота в тот момент мы грешить совсем не думали. А потом поняли — кот это, вот и прозвали его Пердунком.

Мустафа даже не услышал, как сзади к нему подошёл невысокий, в белёсой от частых стирок гимнастёрке сержант, — обладающий обострённым чувством пространства Мустафа ничего не засёк, а ведь сержант и дверцу изгороди открывал, и по земле шёл... Но нет, ничего этого не ощутил Мустафа и удивился несказанно... Как же это он проворонил сержанта?

Неосязаемым человеком этим был, как понял Мустафа, сержант Соломин, который ходил на кухню за обедом для разведчиков.

Пердункок поспешно подскочил к сержанту, потёрся пыльной шкурой о его сапог. «Хорошая примета, — подумал Мустафа, — раз кот трётся об обувь, значит — добыча будет». В правой руке сержант держал ведро — закопченное, чёрное, с большой вмятиной в боку. Ведро было накрыто куском фанеры.

— Пердункок, — проговорил сержант ласково, кот от его голоса замурлыкал громко. Мустафа понял, что из всей компании разведчиков кот брал в хозяева одного — сержанта Соломина, все остальные, в том числе и Горшков, и старшина были для него людьми второстепенными.

— Познакомься, Коля, — сказал старшина Соломину, — у нас новенький, Мустафой зовут.

Мустафа развернулся лицом к сержанту, одного короткого взгляда ему было достаточно, чтобы запомнить лик Коли Соломина: загорелое до смуглости лицо (будто сержант специально поджаривался на керосинке, каждый день это делал, без пропусков), синие резкие глаза, впалые щёки и тяжёлый подбородок с раздвоиной, — лицо волевого, уверенного в себе человека. Весомым дополнением к положительному облику этого человека был рубиновый орден, прикреплённый к застиранной гимнастёрке сержанта — Красной Звезды.

— Привет, Мустафа, — сержант оказался в общении простым человеком, протянул руку, — ты как раз к обеду поспел.

— Настоящий разведчик, — похвалил Мустафу старшина, — знает, когда надо появляться.

— Правильно, — подхватил Соломин, — настоящие разведчики никогда к обеду не опаздывают. Если же опаздывают, то это не разведчики. Даже не пехотинцы и тем более, не артиллеристы.

На землю, у боковины клуни, кинули плащ-палатку, расправили её — получилась скатерть-самобранка. Мустафа вытащил из «сидора» две банки тушёнки, полбуханки хлеба и бутыл, заткнутую газетной пробкой, аккуратно расставил продукты на плащ-палатке.

Видя такое дело, из-за облаков выглянуло любопытное солнце, — интересно сделалось, чего там задумали беспокойные люди, откуда у них взялась бутылка?

Про кулеш, который притащил в ведре сержант, светило знало все, и про консервные банки тоже знало все, а вот насчёт бутылки не ведало ничего, и что там плескалось, тоже не ведало, раздёрнуло плотные серые облака пошире, забралось в прореху целиком, будто в таз для мытья.

Хорошо сделалось, когда земля осветилась тёплыми лучами, даже кот запрыгал, затопал по краю плащ-палатки, и у него на душе стало светло, за край Пердунок не забирался, знал, что за это можно получить по дырявой заднице, прореха тем временем раздвинулась ещё больше, сделалось не только светло, но и тепло.

Вот что значит лето. Холод в эту пору вообще не держится, отваливает в сторону, освобождает место теплу, если где-то он и зависает, то ненадолго.

В центр плащ-палатки Соломин поставил ведро с кулешом.

— А сил у нас, Коля, хватит, чтобы столько съесть? — старшина сделал неуверенный жест пальцем в сторону ведра. — А?

— Нам помогут, — туманно отозвался на замечание Соломин.

— Кто?

— Увидишь. Ровно через десять минут.

— Загадками что-то говоришь, Коля.

— Весь в тебя, Сергеич, — коротко хохотнул Соломин, — ты же мой лучший педагог, у тебя всему и научился.

— Ладно, ладно! — старшина сделал взмах рукой, осаждая красноречивого сержанта. — Разберёмся во всём и дадим соответствующую оценку.

Соломин снова хохотнул — характер он имел весёлый:

— Что-то ты заговорил, как политрук с первой батареей.

Старшина махнул рукой ещё раз, давая понять, что продолжать беседу на «общеполитические» темы не намерен — хватит, мол.

Хватит, так хватит. Соломин подчинился старшему по званию.

Солнце, любопытное, ласковое, заполнив один раз прореху, больше не пряталось, так и сидело в этой прорехе, наблюдало за людьми: интересно, что же произойдёт дальше; кот задирал голову, косил зелёными глазами на светило, подставлял под лучи то один бок, то другой — пробовал выкурить из лохматой шкуры блох, да все попытки его были неудачными — блохи, конечно, тоже любили тепло, но вылезать из шкуры не собирались... Пердунок же, надо отдать ему должное, сдаваться не желал, переворачивался на спину и катался по земле, как баран, давя вредных насекомых...

В общем, жизнь вся, — что у людей, что у животных, — проходила в борьбе.

Ровно через десять минут, — с точностью хороших часов, — за изгородью клуни послышался звонкий серебряный смех, старшина, успевший скрыться в клуне, пулей вылетел обратно, распустил своё подбористое жёсткое лицо, маленькие глазки у него засияли лучисто:

это ж такая диковинка на фронте — девчата... Они только при крупных штабах и водятся — связистки.

Метнувшись к дверце изгороди, старшина широко распахнул её:

— Милости просим, дорогие сударыни!

— Ждёте нас, мальчики? — звонким серебристым голосом поинтересовалась старшая из них, полногрудая синеглазая девушка с тремя командирскими звёздочками в петлицах — сержант, командир отделения, скорее всего.

У старшины от этого нежного голоса даже горло перехватило, дышать нечем сделалось, он откашлялся и медовым тоном пропел в ответ:

— Ждём, ждём, давно ждём! Квас наш, — он ткнул пальцем в сторону бутылки, расположившейся на плащ-палатке, будто королева, — квас наш уже чуть не вскипел на открытом солнце. — Согнув руку крендельком, старшина сунул ладонь сержантихе: — Георгий!

— Ася!

Старшина галантно склонился над рукой связистки.

— Может, вам удобнее, чтобы вас по отчеству величали?

— Да вы чего, старшина! Какие наши годы...

— Правильно, какие наши годы, — промурлыкал старшина и протянул руку следующей девушке: — Георгий! Иногда меня зовут Егором.

— Инна!

У Инны были серьёзные глаза, и вообще она относилась к категории девушек, которые никогда себе не позволят чего-нибудь несерьёзного.

— Инна Безбородько, — добавила девушка и ловко, будто невесомый корабль, обогнув старшину, вошла во двор клуни.

Старшине показалось, что Инна вообще не обратила на него никакого внимания, и он немедленно запал на неё, даже уголки рта у Егора Сергеевича болезненно задёргались. Так уж у мужиков заведено: западать на женщин, которые смотрят на них свысока и кажутся недоступными, при этом страдать от внутренней боли и думать о собственной никчемности.

— Катя, — представилась следующая девушка, засмеялась радостно и беспричинно: Катя относилась к категории людей, у которых во рту спрятана смешинка — покажи им палец, и они будут смеяться; за Катей во дворе клуни очутилась ещё одна девушка, пожалуй, самая красивая из всех связисток, со злым персиковым лицом и ровными чистыми зубами, будто с открытки, приглашающей граждан отдохнуть в Крыму и обязательно посетить Ласточкино гнездо — редкостный дом, прилепившийся к краю скалы, и чеховский Гурзуф, побродить по местным каменным тропам и полюбоваться с высоты морем таким синим, что кажется — из глаз вот-вот польются слёзы от нереальной режущей синевы...

Таковыми же синими показались бравому старшине глаза у последней связистки, но когда она повернула к нему своё лицо, он вдруг увидел, что глаза у неё не синие, а ореховые, тёмные, с весёлыми желтоватыми крапинами. Наваждение какое-то. А вообще девушка царственная. И походка у неё царственная.

Старшина ощущал, как у него тоскливо сжалось сердце — даже воздух перед взором померк. Будь его воля, он ухлестнул бы за всеми четырьмя девушками сразу либо поочередно, но воли на то не было, ни своей, ни чужой.

— Жанна, — назвалась последняя связистка. Голос у неё был сочным, глубоким — девушки с таким голосом умеют проникновенно исполнять русские народные песни.

— Что мы пьём, мальчики, докладывайте! — хлопнула в ладони сержант Ася. — Шампанское из подвалов местного райпищеторга?

— Шампанское — это несерьёзно, Асенька, — промурлыкал старшина, — берите выше! Наш напиток получил золотую медаль на выставке пузырчатых коктейлей во французском городе Пляс-Пигаль.

— О-о-го! — Ася даже глазом не моргнула, слушая белиберду, которую нёс старшина. — Что за напиток?

— Попробуйте — узнаете.

Дверь клуни раздвинулась, в разёме возник Игорь Довгялло, подтянутый, в новых сапогах — пока девушки представлялись Охворостову как «старшему военному начальнику», он успел скинуть с себя разношенные вытертые кирзачи и натянул на ноги роскошные офицерские сапоги. Сапоги произвели впечатление — девушки невольно переглянулись.

— Наш главный толмач, — представил Игоря старшина, — знаток наречий всех немецких провинций. Ни один фриц не смеет пройти мимо него. Слушать, как Игорь допрашивает их, — одно удовольствие.

Отпихнув переводчика в сторону, из клуни вынырнул Арсюха, также прибранный, торжественный, и вот ведь как — украшенный медалью. Все разведчики успели принарядиться в клуне, кроме Мустафы, у которого места своего ещё не было.

Награды в ту пору были редкостью, давали, их мало и неохотно. «Эван! — запоздало удивился Мустафа. — Воюют здесь не только за кулеш из полковой. Награды тоже иногда дают».

— Ой, мальчики, сколько у вас орденосцев! — Ася мечтательно вздохнула: — Чего же это мы вас раньше не знали? Недоработка.

— Это наша недоработка, Асенька, не ваша, — заметил старшина, — наша вина в том, что мы не знали, что у нас в полку водятся такие замечательные девчата!

Арсюха тем временем переломил один из позвонков в своей несгибающейся шее, с хрустом наклонил голову и, стукнувшись подбородком о тяжёлую твёрдую грудь, проговорил сдавленным, обесцветившимся от напряжения голосом:

— Арсений Васильевич Коновалов!

Мустафа не замедлил отметить: «Не кавалер! Чурка какая-то! Себя по имени-отчеству величает. Девушки таких не любят». Старшина той порой приметливым глазом отстрелил Пердунка — где тот находится? Кот сидел в клуне и из глубокой притеми внимательно наблюдал за происходящим, это старшину устраивало, и он удовлетворённо потёр руки:

— Ну что, девчата, за стол?

— А командир где ваш? — поинтересовалась Ася. — Командира что, ждать не будем?

— Командир в штабе. Может вернуться рано, а может и очень поздно, никто этого не знает, — старшина окинул Асю ласкающим взглядом, глаза у него заблестели, он вздохнул сладко, повернулся к клуне и погрозил коту пальцем: сиди там и носа на улицу не высовывай.

Кот всё понял и, как показалось Мустафе, послушно наклонил голову.

— Что за напиток, мальчики, откройте секрет, — Ася опустила на плащ-палатку рядом с бутылкой.

— У нас собственный винодел есть, — туманно отозвался старшина.

— Кто он?

— А вот, — старшина указал на Мустафу, улыбнулся зубасто, словно бы хотел о чём-то предупредить башкира.

Мустафа отвел глаза в сторону: разные шуры-муры на фронте он не признавал, даже если эти шуры-муры исходили от разведчиков — людей очень уважаемых...

— А винодел у вас, похоже, немой, — заметила Ася.

— Он не немой, он — застенчивый.

— Как зовут вашего застенчивого?

— Мустафа.

— Что ж, попробуем огненное шампанское вашего Мустафы.

Старшина опустился на колени рядом с Асей, ловко ухватил бутылку пальцами, налил мутноватой светлой жидкости в стакан. Ася приподняла стакан, навела его на свет.

— На шампанское это не похоже.

— Зато вкус, Асенька, м-м-м, — старшина сладко почмокал губами, — попробуйте!

Ася попробовала, также почмокала губами, похвалила:

— Полуторки можно заправлять вместо бензина — быстро бегать будут. — Предупредила подопечных: — Аккуратнее, девочки, обжечься можно.

— Вы из каких краев родом будете, товарищ сержант? — спросил у Аси Охворостов.

— А что, не нравлюсь?

— Наоборот, очень нравитесь.

По лицу Аси проползла прозрачная тень, глаза потемнели.

— Из-под Витебска я, родилась в райцентре...

Старшина обрадованно вскинул руки.

— Боже мой, землячка! Земелюшка! Родненькая моя! — старшина полез к Асе целоваться.

Ася решительно выставила перед собой две маленькие крепкие ладошки, останавливая старшину.

— Я ведь тоже родился под Витебском и тоже в райцентре, — Охворостов поспешно налил крепкого напитка себе. — Это дело надо отметить. Вы из кого района, Асенька?

— Из Ушачского.

— А я из Браславского. Господи, да это же совсем рядом! Озёрами из одного района можно проехать в другой на лодке. Как тесен мир, как он всё-таки тесен! — старшина чокнулся с Асей, пригласил: — Девчата, дорогие, садитесь за стол. Мужики, тоже садитесь, чего вы ведёте себя, как чужие?

Странно, а Мустафа посчитал, что такой прочный мужик, как старшина Охворостов, обязательно должен происходить из Сибири.

На фронте редко выпадают такие минуты — и думать ни о чем не надо, и врага опасаться не надо, он далеко, а вот рядом... рядом находятся такие родные существа, такие желанные, что просто дух захватывает. Старшина залпом выпил «шампанского» и у него стиснуло горло, глотку словно бы обжали чьи-то крепкие пальцы — зелье хоть и вкусное, но пить его надо понемногу, мелкими глотками, как коньяк...

Мустафа скромно пристроился на уголке плащ-палатки и в разговоре участия не принимал — слушал. Охворостов пару раз остановил на нем взгляд, подморгнул ободряюще — держи, мол, хвост пистолетом, но Мустафа не дворняжка, чтобы хвост держать пистолетом, в ответ он лишь вежливо улыбнулся...

Командир в штабе не задержался, вернулся скоро, возник над изгородкой и, не открывая двери, поинтересовался насмешливо:

— По какому поводу пир? В честь годовщины Парижской Коммуны или по поводу формирования команды городошников города Бердичева?

Старшина поспешно вскочил с плащ-палатки.

— Извините, товарищ командир, что без вас начали... Мустафу в коллектив принимаем. Садитесь с нами!

Горшков, не замечая приглашения старшины, лихо откозырял девушкам:

— Старший лейтенант Горшков!

Ася сощурилась насмешливо:

— А имя у вас есть, товарищ старший лейтенант?

— Естественно. Иван Иванович.

— А просто по имени можно? — Ася потянулась томно, у неё даже кости захрустели. Связистки дружно засмеялись. — Очень хочется звать вас просто по имени: Ваня.

— А почему бы и нет, — Горшков покраснел малость, но смущению не поддавался, — Иван — хорошее русское имя.

— А просто Ваней — можно?

— Можно, — старший лейтенант перемахнул через калитку, не открывая дверцы, и через мгновение уже сидел на плащ-палатке.

— Вам, товарищ командир, штрафной положен, — Охворостов наполнил стакан «шампанским», много налил, — придвинул к старшему лейтенанту. — Пра-ашу!

— Это чересчур, — сказал старший лейтенант, — перебор, как в игре в очко, — но Охворостов отрицательно мотнул головой:

— Вы же командир, товарищ старший лейтенант, на вас же народ равняется, смотрит...

Горшков залпом осушил стакан, почувствовал, как в горле у него возникло что-то твёрдое, будто туда загнали камень, выбил из себя воздух, заодно вытолкнул и «камень», покосился на Мустафу:

— Твоё, значит, производство? — как будто не знал, чьё это «шампанское» — напиток подействовал на командира. Горшков прижал к носу обшлаг рукава.

— Моё, — ответил Мустафа.

— После первой, товарищ старший лейтенант, надо сразу пить вторую. Не останавливаясь. Чтобы не посинели кончики пальцев...

— Не части, пожалуйста, старшина.

Тем не менее Охворостов вновь наполнил стакан командира, как будто боялся, что тому не достанется. Старший лейтенант всё понял, чокнулся с каждым, кто сидел на плащ-палатке.

— Первый тост положено произносить за встречу, но старшина сорвал мне его своим штрафным, поэтому выпьем, за что ещё не пили — за встречу!

— За встречу! — первой, готовно отозвалась на тост сержант Ася, голос у неё был таким, что старшина невольно свёл брови вместе — ещё немного, и он приревнует Асю к командиру. Горшков засёк это, улыбнулся.

Интрига начала закручиваться, как в театре, но закрутиться до конца не удалось. Подле изгороди возник молоденький конопатый посыльный с красневшим от бега лицом, приложил ко рту согнутую ковшиком ладонь:

— Товарищ старший лейтенант, срочно в штаб!

Горшков досадливо покрутил головой:

— Вот так всегда. Поесть не дадут... Ведь я там только что был. — Повысил голос: — Кто вызывает?

— Майор Семеновский! — Майор Семеновский был начальником штаба полка.

— Час от часу не легче, — Горшков поднялся с плащ-палатки.

Семеновский не любил, когда к нему опаздывали на вызов, глаза у майора становились такими, будто он заглядывал в винтовочное дуло.

— Простите меня, — сказал старший лейтенант связисткам, поймал сожаляющий взгляд Аси, следом — Жанны, посетовал, что не может остаться и ушёл.

— Мы вас подождём, — запоздало, уже в спину, выкрикнул Охворостов, но старший лейтенант отсекающе махнул рукой:

— Продолжайте без меня! Мустафу только не обижайте!

«Его обидишь, он сам кого угодно обидит», — подумал о себе в третьем лице Мустафа.

Майор Семеновский фигуру имел, скажем так, полноватую, если не более, отросший живот уже не мог сдерживать прочный командирский ремень, но, несмотря на оплывшую статью, был подвижен, редко сидел на месте, — а вот лицо в противовес фигуре, было худым, с всосанными внутрь щеками и остро выпирающими скулами — это было лицо худого человека. Или очень голодного. Впрочем, глаза у майора всегда поблескивали сыто — голодным он не был.

Начштаба умел и любил материться. А с другой стороны, какая война способна обходиться без мата? Без мата нет войн. Просто не бывает.

— Чего так долго идёшь? — неприязненно сузив глаза, спросил Семеновский у старшего лейтенанта. — Совсем разведчики ожирели, скоро даже мух разучатся ловить.

Горшков в виноватом движении приподнял одно плечо:

— Извините, товарищ майор!

— На первый раз извиняю, а дальше... — тут майор выдал такую четырёхэтажную тираду, что произвести её на бумаге совершенно невозможно, никакая бумага не выдержит. Выматерившись, Семеновский малость подобрел, потёр пальцами глаза.

— Скоро выступаем на позиции, Горшков, — сказал он. — Нужны свежие сведения, что за силы скоплены у немцев на нашем участке? Пехота — полк, который будет стоять перед нами, этим тоже займётся... Всё понял, Горшков?

— Так точно!

— Сведения сведениями, Горшков, но лучше будет, если возьмёте «языка». Задача ясна?

— Так точно! Но до фронта, товарищ майор, двадцать километров...

— Это не твоя забота, Горшков! Я лично, если понадобится, доставлю тебя на место, сам сяду за руль машины...

— Всё понятно, товарищ майор. Разрешите идти? — Горшков выпрямился так резко, что услышал, как в хребте у него громко хрустнул один из позвонков.

Майор это тоже услышал, усмехнулся недобро:

— Иди! И не забудь — мы должны утереть нос пехоте.

Слова эти донеслись до Горшкова, когда он уже находился за дверью.

Небо опять затянулось плотным словно бы спрессованным неведомой силой маревом, день потемнел. Горшков подумал, что может собраться дождь — где-то далеко вроде бы даже громыхнуло, но потом понял, что не гром вовсе, а рывканье гаубицы, подтянутой к линии фронта и открывшей тревожащий огонь. Через полминуты гаубица рывкнула снова.

В общем, если дождь и затеется, то не раньше темноты. Старший лейтенант глянул на часы. Майор велел собираться... А чего, собственно, собираться разведчику? Он всегда собран — остаётся только сдать ордена, документы, да письма, присланные из дома, которые всякий солдат хранит так тщательно, как и ордена — письма эти греют душу и помогают выживать.

Можно было, конечно, вернуться в клуню, к девушкам, столь желанным, к разведчикам своим, но возвращаться не хотелось.

Горшков завернул в дом, где на постое находился Юра Артюхов, старый приятель, также прибывший в полк из Сибири, только не из Кемеровской области, а из Сибири более глубокой, из города Минусинска; в полку Артюхов находился на должности, которой не позавидуешь, место это хуже раскалённой сковородки, — был корректировщиком огня.

Все промахи в стрельбе пушек приписывают корректировщикам, все попадания — наводчикам... Несправедливо. Но Артюхов на судьбу не жаловался, смерти не страшился, поскольку считал — судьбу не обманешь, и спокойно лез под пули, под обстрелы, если слышал за спиной взрыв, не оглядывался, понимал: это не по его душу.

В хату Горшков зашёл без стука, Артюхов лежал на продавленном детском диванчике, совершенно облезлом, с одним валиком, который он использовал вместо подушки — другой мебели у хозяев для постояльца не было, — и читал дивизионную многотиражку.

— О, Иван Иванович собственной персоной, — обрадованно воскликнул он, спуская ноги на пол. Старший лейтенант Артюхов звал своего приятеля по имени-отчеству, Горшков Артюхова — уменьшительно, только по имени: «Юра», иногда даже «Юрочкой» и это уменьшение подходило как нельзя кстати к облику минусинца.

— Что слышно в высших эшелонах штабной власти? — спросил Горшков.

— Говорят, грядёт большое наступление.

Горшков удовлетворённо потёр руки.

— Правильно говорят. Хватит отсиживаться по сараям, клуням, амбарам, вдавливать диванчики, пора наступать. А ещё чего, Юр, есть нового из штабных секретов?

— Говорят, от нас забирают Семеновского.

— Конечно, на повышение?

— А ты мыслишь себе ситуацию, чтобы Семеновский пошёл на понижение? Нет. И я нет. Говорят, волосатая лапа у него есть даже в штабе фронта.

— Немудрено, — Горшков пригнулся, глянул в низкое окошко избы — по улице широкой шеренгой шли связистки, сопровождаемые разведчиками — трапеzia с «шампанским» с кулешом без командира не затянулась, да и у бутылки было дно...

— Твои? — Артюхов также глянул в оконце.

— Мои.

— Чай будешь? Трофейный, немецкий.

— Не хочется. Чай не водка, много не выпьешь.

— Вид у тебя что-то уж больно озабоченный...

— Семеновский только что озаботил. Ночью надо на ту сторону сходить.

— Да для тебя же это, Иван Иванович, всё равно, что два пальца об асфальт...

— Ординарца я себе взял нового, из бывших штрафников, с пополнением прибыл... Думаю только вот — сводить его ночью на ту сторону или подождать?

— Своди. Чем быстрее проверишь в деле — тем лучше будет.

— А не рано ли? Ещё не обтёрся мужик.

— Своди, своди... Зато потом меньше головной боли будет.

— Тоже верно...

К линии фронта, обозначенной в ночной темноте вспышками ракет да частой беспокоящей стрельбой — и чего люди мешают друг дружке спать? — подбросил всё тот же хнычущий шофёр на своей полуторке.

Ехал он медленно, включать фары опасался: а вдруг враг засечёт и в машину кинет снаряд? — не доезжая полутора километров до фронта, остановил машину и ехать дальше отказался.

— Не могу, — категорично заявил он, — мне велено отсюда вернуться.

— Дурак ты, — спокойно и презрительно проговорил старшина, перегнувшись через борт и заглядывая из кузова в кабину. — С разведчиками никто не решается ссориться, даже командир полка.

— Нет, нет, — затрясся шофёр, — ехать дальше я наотрез... Запрещено, слишком много техники мы потеряли. Обращайтесь к командиру автоторы, пусть он приказ даст.

— Выходим, — скомандовал Горшков разведчикам, с хряском распахнул дверь кабины, прыгнул наружу. — А ты... — он повернулся к шофёру, хотел выматериться, но сдержал себя и перепрыгнув с раскатанной, в следах танковых гусей дороги на обочину, зашагал в сторону ракетного зарева. — За мной!

Старшина поднёс к носу шофёра кулак.

— Если впредь увидишь разведчиков — беги, как заяц от охотника. Иначе рожа на задницу будет смотреть... Всю оставшуюся жизнь.

Линию фронта пересекли без приключений — ни единой былки не потревожили, ни звука не издали, в поиск пошли все, кто по штату числился в разведгруппе: Горшков, старшина, Арсюха Коновалов, Довгялло, Мустафа и сержант Соломин. На Мустафу вначале обеспокоенно поглядывал старшина, потом перестал. Мустафа был такой же, как и старшина, умелец: и подшивать сапоги без дратвы мог, и воду чистую, холодную, выжимать из горячего песка,

и кулеш бараний мог сварить без баранины, и паять без олова, и реки глубокие, широкие одо-
левать без всяких плавсредств.

В конце концов старшина прикинул кое-что про себя и одобрительно хлопнул Мустафу по плечу:

— Так держать!

Мустафа промолчал.

В тылу, в двух километрах от немецких окопов пересекли дорогу, по которой часто ходили машины, скатились в неглубокий, поросший кустарником ложок. Горшков достал из сумки карту, карманный фонарик — немецкий «диамант» с тонким лучом, присел на корточки:

— Старшина, накрой!

Охворостов накинул на него плащ-палатку, примял ладонями длинные полы:

— Готово!

Старший лейтенант включил фонарик, осветил карту. Дорога, по которой бегали грузовые немецкие машины, вела к бывшему военному городку. До городка было километров восемь, скорее всего, там располагался штаб какой-нибудь части, может быть, даже крупной — дивизии, например. Это надо было проверить.

С другой стороны, тащить «языка» из городка далеко — «языка» нужно брать у линии фронта, хотя это было сделать сложнее, чем в тылу, около городка. Горшков решил брать «языка» и там и этак, а как всё сложится дальше — видно будет. Он выключал фонарик, сбросил с себя плащ-палатку.

— Идём дальше в тыл, к военному городку.

Идти ночью по лесу — штука трудная, переломать себе ноги можно в два счёта, как в два счёта можно и сбиться, отклониться в сторону, поэтому двинулись параллельно просёлку, удаляться от него более чем на полкилометра было нельзя... Первым шёл Горшков, замыкающим — старшина.

Мустафа шагал в середине цепочки и думал о том, что несовершенен всё же человек — не дала ему природа дара видеть в ночи, как, допустим, сове или волку, — не дала и всё, слеп «венец» в темноте, спеленут, а если совершит пару неловких шагов в сторону — как пить дать, покалечится. И силенок человеку природа тоже выделила немного, могла бы дать больше — могла бы, но не дала. Вот и начинает он, чуть что, кхекать и задыхаться.

Хотелось Мустафе услышать пение какой-нибудь ночной птицы, щебетанье птиц, не боящихся прохладной черноты, заполнившей пространство, но тихо было, словно покинули птицы этот край, а вместе с ними исчезли и звери. Только звон возникал иногда, словно бы приносясь издалека, возникал и пропадал.

Через два часа старший лейтенант остановил группу, объявил тихо:

— Привал! Можно поспать. Времени даю — полтора часа. Старшина, выставить пост!

— Есть выставить пост, — едва слышным эхом отозвался Охворостов.

— Смена — каждые полчаса.

Старший лейтенант забрался под высокий густой куст, достал из сумки карту, зашарил по ней узким лезвистым лучом карманного фонарика.

— Та-ак, та-ак, — пробормотал он едва слышно и выключил фонарик — шли они правильно. Подстелил под себя полу плащ-палатки, второй полый накрылся, поворочался немного и затих.

Идти вслепую дальше было нельзя. До городка, судя по тому, что им пришлось форсировать вброд речушку, протекавшую в версте отсюда, оставалось идти примерно километр. Этот километр был опасным — и на патруль можно было нарваться, и на засаду налететь, и вообще угодить на каких-нибудь полоротых запоздалых немчиков, возвращающихся в казарму

из полевого борделя: эти после подвигов постельных всегда бывают готовы совершать подвиги боевые.

Впрочем, разведчики Горшкова тоже были ребята не промах: и в борделе готовы побывать, и немцам по морде надавать...

Первым на дежурство старшина поставил Мустафу — усадил его на возвышенное место, под сосну, метрах в тридцати от места отдыха и погрозил пальцем:

— Смотри у меня, Мустафа... Бди!

— Бдю, — спокойно отозвался на это Мустафа, — и буду, бдеть.

— Не проворонь немцев. Если придут — знаешь, что с ними делать, — Охворостов ещё раз погрозил Мустафе пальцем и исчез.

Мустафа остался один. Чернота ночи была неприятная, вязкая, похоже было, что ничего в ней нельзя разобрать, но Мустафа по себе знал: в любой лютой ночи можно увидеть то, что надо, нужно только вгрызться в неё, освоиться, слиться с чернильной плотью, и всё будет в порядке. Главное, Мустафа знал, как это делается...

Ночной холодок постепенно отступал, выдавливаемый влажным предутренним теплом, в макушках деревьев начали возиться, вскрикивать просыпающиеся птицы, над далёким горизонтом вскоре обозначилась жёлтая узкая полоска — предвестник рассвета, но отсюда, из-за деревьев, её почти не было видно, Мустафа поглубже закутался в плащ-палатку, в распах между лапами выставил ствол автомата, замер.

Лес постепенно оживал, в звуках, доносившихся до Мустафы, не было ни одного, что принадлежали бы человеку — ни шорохи в листве и в ветках, ни мягкое щёлканье гнилых сучков, ни скрипы в траве, ни бурчанье проснувшейся на старом дубе вороны — ничто из этих звуков не принадлежало «венцу природы». А раз человек ничем не обозначился, то, значит, и опасности не было.

Мысли Мустафы переключились на другое — на девушек-связисток. Конечно, Мустафа им не приглянулся, это понятно, — внешность не та, но самому Мустафе очень понравилась Инна — серьёзная, чуточку угрюмая, умеющая молчать. Последнее качество — очень ценное для женщин.

В зоне, случалось, тоже попадались красивые женщины, но не такие. А имя какое аристократическое у неё — Инна! Мустафа не выдержал, вздохнул.

В предутренней темноте образовывались серые провалы, в них что-то шевелилось, передвигалось с места на место, но Мустафа смотрел на эти перемещения спокойно: к человеку, к немцам, они не имели никакого отношения — подумаешь, лесовик продрал глаза и решил поиграть с ним, или этот самый... как его? — водяной, выбравшийся из недалёкой речки. Или же леший. Вся эта лихая братва не представляла для Мустафы ни интереса, ни опасности.

Красивая женщина досталась Мустафе в зоне, пожалуй, только один раз. Дело было под Вологдой, в образцовом мужском лагере, поделенном пополам: одна половина в нём значилась «политиками» и сидела по 58-й статье, вторая половина — уголовники. Сидели уголовники по самым разным статьям.

Лагерь считался образцовым, поскольку в него очень часто приезжало начальство: Москва-то рядом, одна ночь в мягком, обитом плюшем и бархатом купе — и начальник уже на месте — его торжественно встречают на вокзале, берут под белые руки, ведут к машине... Из машины — к обильному, с грибочками, ягодами и нежной северной рыбой сёмгой столу.

Но не только лагерь, где сидел Мустафа, — сугубо мужской, — был образцовым, рядом находился другой лагерь, также образцовый, населённый звонкоголосым полом — женским.

Лицезреть женский лагерь можно было только издали — охрана между лагерями стояла такая свирепая, что ни птица не могла пролететь, ни мышь проскользнуть по земле, и тогда

зеки-мужики нашла выход — прорыли в женский лагерь подземный ход, через лаз протащили верёвку, на верёвку навесили бадью.

Едва в лагерях давали отбой, как начиналось ночное веселье — в бадью садилась прихорошившаяся женщина и её дружно тащили в мужской лагерь. Ну а что происходило там — сами понимаете...

За один визит «командированная» получала несколько полновесных паек хлеба — самое дорогое, что могло быть у зеков.

За ночь, случалось, человек пятнадцать, а то и больше, перемещались из одного лагеря в другой...

Однажды бадья доставила в мужской лагерь молчаливую девушку лет двадцати с угрюмыми серыми глазами и крепким обветренным лицом. Красивая была девушка. Увидев хихикающих, заросших жёсткой щетиной зеков, она испуганно сжалась.

— Мустафа, твоя очередь, — послышался голос старшего, и Мустафа, внутренне ликуя, взял девушку за локоть.

— Пойдём! Не бойся!

Та вздохнула зажато, произнесла про себя что-то невнятное и неожиданно упёрлась — похоже, только сейчас поняла, что ей предстоит перенести.

— Не бойся, — мягко проговорил Мустафа, — я тебе ничего плохого не сделаю... Не бойся!

Плечи у девушки задрожали, в горле раздался скрип, что-то в ней сломалось, и она, накренившись всем телом вперёд, пошла следом за Мустафой.

Он отдал девушке той, всё, что у него имелось, весь хлеб, и не только хлеб — полкило сахара и кулёк с сухарями, который держал как НЗ...

Откуда-то из-за деревьев, раздвинув плотную серую массу, потянул ветерок, сдвинул в сторону горку комаров, сбившуюся около человека, Мустафа полной грудью всосал в себя свежий воздух, выдохнул — он словно бы хотел освободиться от прошлого, от воспоминаний, от тяжести, накопившейся в душе, услышал за спиной слабый хруст раздавленной ветки и стремительно, держа автомат перед собой, развернулся.

К нему шёл Арсюха Коновалов — смена, — катился колом, разгребая руками рассветную муть. Подкатившись к Мустафе, бросил по сторонам несколько быстрых, скользких, но очень цепких взглядов и поинтересовался шелестящим шёпотом:

— Ну как?

— Всё вроде бы тихо.

— Можешь быть свободен, — Арсюха не удержался, зевнул, так широко зевнул, что чуть не вывернул себе нижнюю челюсть, в скулах у него даже что-то заскрипело, он со стуком сомкнул зубы и махнул рукой. — Давай!

Было время самого сладкого сна — слаще не бывает, да и сон рассветный — самый крепкий — разбудить может только стрельба.

В военном городке действительно располагался штаб какой-то крупной части, по улицам разъезжали мотоциклисты с пакетами, ходили патрули с оловянными бляхами на груди, из открытых окон доносился стрекот пишущих машинок.

— Перехватить бы одного мотоциклиста и — назад, — озабоченно проговорил Арсюха Коновалов. — Неплохо было бы... А?

— Обязательно перехватим, — добродушно прогудел старшина, — если не мотоциклиста на дороге, то повара на кухне.

— Тихо! — предупреждающе произнёс старший лейтенант.

Они лежали на мелком, поросшем остролистным кустарником взлобке и наблюдали в бинокль за городком.

Немцев на улицах было много. С одной стороны это плохо — отжать и изолировать от общей массы «языка» будет сложно, а с другой стороны, хорошо: если удастся захватить какого-нибудь фрица в офицерском чине, то его не сразу и хватятся.

Горшков следил за тем, как выезжают гитлеровцы из городка и как въезжают в него, гадал, есть ли кроме широкой облюбованной фрицами дороги какие-нибудь боковые дороги, тропы, и невольно мрачнел лицом — ничего этого не было, будучи людьми организованными, немцы пользовались только просёлком, никаких боковых стёжек-дорожек не признавали — видимо, так повелело начальство.

— Будем выдвигаться к дороге, брать «языка» там, — старший лейтенант опустил бинокль. — Иного нам не дано.

Для того чтобы пробраться к дороге, им пришлось здорово отклониться в сторону, отыскать заросшую молодым ельником низину, по ней спуститься в замусоренный распадок, а уж из распадка, напрямую, по старой сухой колее подняться к просёлку. Здесь, среди деревьев, близко подступавших к дороге, сделали засаду.

Место для засады было выбрано удачное. Арсюха Коновалов даже руки потёр от удовольствия, будто в карточной игре — такое хорошее место...

На дороге показалась колонна грузовиков, шли машины медленно, окутанные пылью, ревели так, что казалось — вот-вот задохнутся в собственном рёве и остановятся, кузова были плотно затянуты брезентовыми пологами.

— Интересно, интересно, — задумчиво проговорил Горшков, — что они везут? Не манную же кашу для детских садов городка... — он глянул на Соломина и едва приметно повёл головой в сторону.

Соломин кивнул ответно. Когда последняя машина поравнялась с деревьями, среди которых засели разведчики, сержант поспешно вскочил, в несколько прыжков догнал грузовик и вспрыгнул на задний буксирный крюк, руками вцепился в край борта. Через несколько секунд он соскочил с крюка и стремительно откатился в сторону, на обочину, перемахнул через неё и скрылся в высоких запыленных кустах.

Колонна грузовиков, нещадно пыля, проследовала дальше.

— Молодец, Соломин, — похвалил сержанта Горшков, — цирковой артист! По проволоке научился ходить... Ни одной ошибки.

— В кузове — ящики со снарядами, — доложил запыхавшийся Соломин, появившись через несколько минут. — В каждой машине примерно сорок ящиков...

Машин было пятнадцать. Остаётся только помножить... Получится конечный результат: немцы готовятся к наступлению.

— Выводы делать не будем, но на ус намотаем, — Горшков проводил взглядом лихого мотоциклиста — было видно, что порожним идёт, без ценного груза, — промахнувшегося в пыли мимо. — Пока продолжаем следить за дорогой. Старшина, — позвал он, не оборачиваясь, — приготовься, старшина!

Старшина молча вытащил из кобуры убойный, ловко сидящий в руке ТТ — тяжесть родного оружия всегда бывает приятна, обхватил рукоять пальцами, медленным движением приподнял пистолет, опустил, приподнял, опустил...

— Я готов, — сказал он.

По дороге той порою пронеслась легковушка, окрашенная в зеленовато-мышинный цвет, с салатовыми пятнами на боках. На легковушку нападать не резон — слишком много мороки, да и машину трудно спрятать, нападать лучше на мотоциклиста. Легковушка благополучно проследовала дальше.

Горшков выжидал. Следом прошёл мотоцикл с двумя седоками, но и его трогать не стали, поскольку сзади неторопливо пылил, по-утиному переваливаясь с боку на бок, широкомордый

грузовик с грохочущими, плохо закреплёнными железными бортами, потом снова прошла легковая машина.

Пыль на дороге улеглась, проклюнулось нежаркое, покрытое белёсой плёнкой солнце. Разведчики продолжали сидеть в засаде. Старшина держал на коленях ТТ, поставленный на предохранитель, не убирал в кобуру — готов был в любую секунду выстрелить.

Воздух постепенно наполнялся каким-то тягучим, похожим на банное, теплом, густел на глазах, от утренней прохлады уже и следа не осталось. День обещал быть жарким.

Из городка выползла колонна машин, порожняя, шла она неторопливо, на малом газу, то, что она шла пустая, без груза, было видно по посадке автомобилей (на эту колонну старший лейтенант даже бровью не повёл, не то, чтобы повернуть голову), она проследовала дальше, потом пропустил несколько легковушек и мотоциклов, затем на одном из мотоциклов всё-таки задержал пристальный взгляд.

Скомандовал едва слышно:

— Егор Сергеич, приготовься!

Охворостов, казавшийся совсем окаменевшим, ожил, взялся за пистолет, лежавший у него на коленях. Мотоцикл одышливо стрелял мотором, пылил густо. На водительском сидении горбился худощавый эсесовец в танковом шлеме, нахлобученном на самые глаза, с длинным унылым носом, в коляске вальяжно развалился офицер с витыми серебрянными погончиками на мундире. Обеими руками офицер держался за борта коляски.

Без всяких пояснений было понятно — тыловик.

— Вот этого субчика мы и захохотаем, — сказал старший лейтенант и скомандовал: — Группа, приготовиться!

Старшина поднял пистолет, для надёжности обхватил его второй рукой, прицелился в мотоциклиста. Тот сделал перегазовку, трубный звук пулемётным грохотом всадились в стволы деревьев, заставил задрожать листву, хлопок выстрела увяз в нём, растворился, за первым выстрелом Охворостов сделал второй, для надёжности — мотоциклист оторвал руки от руля, вскинул их над собой, задрал голову, будто высматривал прореху в небе, куда можно было унести, и полетел головой в дорожную пыль.

Мотоцикл, лишённый управления, резко вильнул, проехал задним колесом по своему хозяину и скатился вниз, в канаву.

Седок, видя, какой неприятный оборот принимает рядовое, как ему казалось, путешествие из одного воинского городка в другой, выпучил по-филины глаза и заорал что было силы.

— Вперёд! — подал команду Горшков.

Из-под деревьев выскочили трое разведчиков, следом, немного замешкавшись, — четвертый.

Орущего немца выдернули из люльки, в рот ему, чтобы не верещал, сунули заранее свёрнутый кляп, мотоцикл затащили в кусты, чтобы он не был виден с проезжей части, валявшегося в пыли длинноносого мотоциклиста также заволокли в заросли. Был мотоцикл с двумя седоками и не стало его.

Офицер-колясочник оказался тучным мужчиной с объёмистым животом и тройным подбородком. Он пугливо пучил глаза, обильно потел и мычал что-то невнятное.

— Выдерните у него изо рта затычку, — приказал Горшков.

Кляп выдернули. Немец икнул обречённо, затем дрожащим голосом выдавил из себя несколько смятых слов.

— Что он говорит? — спросил старший лейтенант у Довгялло.

Тот поправил на носу очки.

— Просит его не убивать.

Старший лейтенант с сомнением оглядел рыхлого, истекающего потом немца.

— Это что ж получается, — проговорил он недоумённо, — мы эту тушу поволокём на себе за линию фронта? Сам он не дойдёт.

— А что, если это очень ценный «язык», товарищ командир? А? Игра может стоить свечек.

— Посмотрим, Игорь, посмотрим... Пока спроси, из какой он части, где конкретно служит и кем, как его фамилия и имя? В общем, ты сам знаешь, что нам надо.

— Допрос в кустах, — ухмыльнулся Игорь и перешёл на беглый немецкий, обращаясь к пленному.

— Давай-давай...

— Фамилия его Хорст, — через минуту сообщил Довгялло старшему лейтенанту, — зовут Дитер-Мария...

«Имя какое-то бабское, — отметил Мустафа, — разве можно мужику давать бабское имя? Впрочем, у фрицев всё можно. Даже войну раскопегарить несмотря на то, что обещали этого не делать. И бумажки вроде бы какие-то подписали на сей счёт с товарищем Сталиным...»

Какие именно бумажки Гитлер подписал со Сталиным, Мустафа не знал — в это время сидел в лагере.

Гауптман Дитер-Мария Хорст был начальником снабжения артиллерийского полка.

— Коллега, — не удержался от подначки старший лейтенант, — едри тебя в корень!

Но, главное, Хорст поддерживал добрые отношения со снабженцами из других полков и имел родственника в штабе группы армий «Центр». Довгялло изложил всё это старшему лейтенанту и, окинув оценивающим взглядом фигуру гауптмана, прищипнул языком — ведь точно на полтора центнера потянет. Хорст засёк этот взгляд и, незамедлительно взыв, вскинул руки в молящем движении — он всё понял правильно.

— Чего это он? — насупился Горшков.

— Просит его не убивать.

— Но и тащить эту тушу через окопы — вещь почти невыполнимая...

Довгялло развёл руки в стороны — не ему, мол, решать этот вопрос, — прикрикнул грозно на гауптмана, тот мгновенно стих словно бы поперхнулся своим воем, плечи у него обречённо опустились.

— Пощупай его, Игорь, потщательнее — что он знает... Чтобы нам быть уверенными — маяться и потеть будем по делу, а не ради какой-то пустышки.

Довгялло бодрым тоном заговорил с гауптманом, язык он знал отменно, лопотал, как заправской немец, бегло и весело. Гауптман на вопросы Игоря отвечал быстро, почти не задумываясь, старший лейтенант внимательно следил за ним, старался понять: пленный просто-напросто вымаливает себе жизнь или действительно много знает. Если он и вправду много знает, то всё-таки придётся тащить через линию фронта на своих плечах...

— Он готов на карте показать, где какая часть располагается, товарищ старший лейтенант, — сказал Довгялло, — готов очертить минные поля, а также обозначить часть проходов в них.

— А это он откуда знает? Он же снабженец.

Довгялло переадресовал вопрос гауптману, тот в очередной раз стёр со лба, стряхнул с ладони горстку мутных капель и, давась словами, заговорил — он опережал в речи самого себя, выплёвывал слова изо рта, будто подсолнуховую кожуру.

— Говорит, что до снабжения был командиром сапёрной роты, — сказал Довгялло.

— Спроси, куда он отправлялся на мотоцикле?

— В соседний городок на совещание к заместителю командира дивизии.

— Значит, его могут хватиться и начать поиск, — озадаченно произнёс Горшков.

— Да кому он нужен, товарищ старший лейтенант? — Довгялло улыбнулся. — Кадр ценный, но не настолько, чтобы на большом совещании хватились его.

— Ладно, продолжай допрос, Игорь.

Пока шёл допрос, разведчики продолжали наблюдать за дорогой. Дневной воздух сгустился, дышать сделалось нечем. Даже птицы, которые привыкли кормиться около людей, и те не выдержали, переместились в глубину леса — ни одной птахи не стало слышно. Лишь голоса машин да мотоциклов. Да вонь моторная висела в воздухе, щекотала ноздри, щипалась, забивала глотку.

Старшина Охворостов фиксировал и машины, и мотоциклы, пару раз выпускал на дорогу Соломина и тот, прикрытый пылью, будто маскировочным саваном, проверял кузова грузовиков — важно было знать, что там лежит. Ничего не боялся Соломин, да и везло ему здорово — немцы не засекли сержанта ни разу.

Старший же лейтенант был занят гауптманом, допросом, в конце концов он пришёл к выводу, что пленного надо тащить к себе — второй такой «язык» может уже не попасться. Горшков дал команду отходить от военного городка. Хорсту хотели заткнуть в рот кляп, но он замотал головой просящее: не надо!

— Ну, смотри, мужик, если заорёшь, я тебя перепилю пополам, — пообещал Горшков, приподнял ствол автомата. — Понял?

— Понял, — неожиданно коряво, по-вороньи, но вполне внятно, по-русски произнёс гауптман.

— Тогда пошли, — Горшков перепрыгнул через гряды кустов, повесил автомат на правое плечо, стволом вперёд, держа его наизготовку — в любую секунду готов был выстрелить, бросил, не оглядываясь: — Мустафа, помоги Игорю конвоировать пленного.

Мустафа послушно пристроился к гауптману, прикинул, как лучше будет брать его, если он вздумает тикануть по дороге — очень удобно хватать Хорста одной рукой за плотный нагулянный загривок, подпёртый воротником, второй — за пояс.

Но можно было обойтись и без этого.

— Погодь-ка, — попросил Мустафа напарника. Довгялло послушно остановился, придержал пленного.

Мустафа задрал гауптману полы укороченного модного мундирчика, ловко выдернул из штанов брючной ремень, бросил себе под ноги, затем резко выдернул край штанов, обрывая пуговицы.

Расчёт был точным — пуговицы горохом просыпались на землю, роскошные бриджи гаутмана спустились на низ живота и медленно поползли вниз. Хорст поспешно подхватил их обеими руками.

— Так будет лучше, — удовлетворённо приговорил Мустафа, — никуда теперь господин снабженец не убежит.

— Ловко! — восхищённо проговорил Довгялло. — Я бы до этого не додумался.

— Век живи — век учись, — Мустафа назидательно хмыкнул себе в кулак.

Линию фронта переходили ночью.

Немцы нервничали — в небе одна за другой вспыхивали ракеты, освещали мертвенно, недобро округу — в дрожащем неровном свете этом можно было заметить движение мышей-полёвок, была видна каждая травинка на земле.

Разведчики залегли в низине рядом с немецким минным полем — от поля этого, от уплотнённых, коварно запечатанных бугорков земли веяло зимним холодом, будто безмятежное лето уступило место суровой декабрьской студии, — и ждали удобного момента.

Иногда над головами разведчиков проносились тяжёлые дымные струи, — днём немцы установили неподалёку пулемёт, которого ещё прошлой ночью не было, и пулемётчик, борясь

со сном, тренировался в слепой стрельбе, полосовал пулями пространство, тревожил израненную землю... Хотя и установлен был пулемёт, а низину он не простреливал совершенно, и это успокаивало Горшкова, которому важно было и ребят своих сохранить, и гауптмана через линию фронта переволочь целым и невредимым. Когда дымная струя в очередной раз разрезала воздух, старший лейтенант приподнимал голову и вглядывался в дрожащее мертвенное пространство словно бы хотел схватить летящую пулю...

Уже под утро, при сереющем, безвольно расплывшемся, мягком небе, немцы успокоились, пулемёт стих, и разведчики переползли на свою сторону. Извозюкались донельзя — промокли до нитки, испачкались густой, чёрной, как отработанное масло жижей до самых бровей, но фронтовую полосу одолели без сучка, без задоринки. И гауптмана благополучно доволокли до своих окопов — без царапин и обмороков.

Уже сидя в кузове полуторки, поглядывая на толстого сомлевшего гауптмана, разведчики наконец осознали, что всё случилось позади, обвяли лицами, обмякли, повеселели — всякий поход на ту сторону обязательно заставляет человека держаться в жёстком сборе, не ослаблять в себе ни одного чувства и пребывать в таком состоянии до возвращения домой.

Тонко, надорванно завывал мотор полуторки, солнце било в усталые, красные от бессонницы глаза, назад медленно уползала дорога. Мустафе очень хотелось спать, виски ломила боль, но он держался, не уступал ни сну, ни боли, да ещё про себя удивлялся тому, как легко им удалось сходить на вражескую сторону... Ни стрельбы, ни усилий особых, ни риска — всё произошло как-то по-домашнему гладко.

«Неужели у разведчиков так бывает всегда?» — задавал он себе наивный вопрос и удивлялся детской непосредственности его. Ведь бывали случаи, когда в разведку уходили тридцать человек и не возвращался ни один. Всё зависит от везения.

Гауптман сидел в кузове вместе со всеми, подпрыгивал на снаряжном ящике и испуганно тарасил глаза, полное влажное лицо его покрылось морщинами, будто из немца выпустили воздух, всё в нём обвисло, щёки покрылись щетиной.

Война для него закончилась, бедолагу-гауптмана отправят в какой-нибудь лагерь, где собирают пленных немцев, такие, как слышал Мустафа, в России уже имеются, — гауптман останется жив, а вот будет ли жив Мустафа, никому не ведомо... Тут Мустафе так захотелось наградить пленного оплеухой, что он едва сдержал себя.

Пока разведчиков не было, в клуне успели поселиться другие люди — трофейщики, им понравилось мягкое сено и автономное расположение, дающее независимость от начальства. Кот Пердунок, встретивший незваных гостей протестующими воплями, из клуни был немедленно изгнан, отчаянное желание Пердунка задержаться хотя бы на немного, было ликвидировано ударом сапога под пятую точку, увенчанную роскошным пыльным хвостом — сделал это старший группы трофейщиков, подпоясанный добротным командирским ремнём: поддел он Пердунка носком сапога и кот унёсся по воздуху за изгородь.

Едва разведчики появились у клуни, как Пердунок поспешил выкатиться навстречу и рассказал обо всём — на своём кошачьем языке, естественно, но разведчики хорошо поняли его и на кошачьем.

— Вот гад, этот кривоногий, — Охворостов выругался. — Жаль, старший лейтенант наш в штабе задерживается... Ладно, кот, не горюй, зло будет наказано, справедливость восторжествует. — Старшина нагнулся, погладил Пердунка. Тот быстро успокоился и победно задрал хвост вверх.

У изгороди валялись вещи разведчиков, выброшенные из клуни — вещи эти кот охранял старательно. Старшина удручённо поскрёб пальцем затылок.

— Ни дна у людей нет, ни покрышки... И уж тем более — совести.

На двери клуни болтался замок — новенький, трофейный, украшенный блестящими латунными заклёпками, — повесили гости незванные, на чердак вела приставная лестница. Скобоченная дверца чердака была наполовину открыта.

— Эй, славяне! — позвал старшина новых постояльцев вполне доброжелательно, — впрочем, сохранял он этот тон с трудом. — Выгляньте кто-нибудь!

В ответ — тишина, ну, хоть бы царапанье какое-нибудь раздалось, писк, кряхтение, лай, мяуканье, свист, шипенье, но нет, лишь маленькая птичка села на слом крыши, протенькала что-то умиротворённо и исчезла.

— Славяне! — вновь позвал Охворостов, прислушался — не отзовётся ли кто, и когда никто не отозвался, носком сапога поддел ком земли, поймал его с лёту в чердачную дверь. Ком всадили в ребро дверцы, рассыпался на мелкие крошки, обдал стоявших внизу разведчиков земляным горохом.

На этот раз подействовало. На чердаке кто-то зашевелился, закашлял, в приоткрытую дверцу высунулся ствол немецкого автомата и над головами разведчиков засвистели пули.

Старшина поспешно отпрыгнул в сторону. Разведчики также кинулись от клуни враспынную, кто куда — не хватало ещё у себя дома пулю поймать.

— Ах ты, с-сука, — выругался старшина, прижался спиной к стенке клуни. — Арсюха, у тебя дымовые шашки в «сидоре» имеются?

— Имеются. Две штуки...

— Кинь-ка мне одну.

Коновалов достал из мешка, висевшего у него на плече, дымовую шашку, похожую на обычную консервную банку, перебрал старшине, тот ловко поймал банку, проткнул её с двух сторон ножом, подождал, когда шашка заискрится, раскошегарится, начнёт давать дым и в приоткрытую дверцу швырнул на чердак клуни.

Шашка влетала в тёмное помещение, будто космическая ракета, с трескучим шипением.

Несколько мгновений на чердаке было тихо — ни стука, ни грюка, только лёгкий дымок валил из приоткрытой дверцы, потом раздался отборный мат и вновь протрещала длинная неэкономная очередь.

— Эй, козлы! — прокричал старшина, продолжая прижиматься спиной к стенке клуни. — Счас я вам вторую шашку подброшу, чтобы теплее было... А ну, вываливайтесь из клуни! Вы заняли чужую территорию!

На чердачном этаже клуни раздался кашель, дверца, отодвинутая чьим-то громоздким сапогом, распахнулась во всю ширь, из раздвига повалил дым.

— Душегубы! — прекратив кашлять, прохрипел невидимый человек. — Под трибунал пойдёте!

— А за автоматную стрельбу в тылу разве не положено никакого трибунала? — старшина вновь возмущённо выматерился.

— Под трибунал, под трибунал... — продолжал хрипеть неведомый вояка. — Я вам устрою за милую душу...

В проёме чердачной двери показался широкий зад, обтянутый добротными офицерскими штанами-галифе, потом перекладину лесенки начала нащупывать нога в хорошо начищенном сапоге.

На землю сполз плотный щекастый человек с петлицами младшего лейтенанта, следом за ним — деваха в солдатской гимнастёрке и длинной бесформенной юбке с отвисшим задом. Старшина удивлённо присвистнул! Произнёс громко, с выражением:

— М-да-а-а...

— Не м-да, а боец вверенного мне подразделения, — взъярился младший лейтенант. — И прошу не путать это с разными «шурами-мурами». Понятно?

— Понятно, — произнёс старшина с ехидцей, невольно проникшей в его голос, — только непонятно, младшой, как и за что ты упечёшь меня под трибунал.

— А это уж моё дело, — огрызнулся трофейщик, — было бы шея, а хомут мы на неё всегда нахлобучим. Понятно? И прошу мне не тыкать!

— Да пожалуйста, — хмыкнул старшина издевательски.

Следом с чердака скатился сержант с отёчным лицом, украшенным увесистым синяком и двумя автоматами, перекинутыми через шею, своим и командирским.

— Андрющенко, немедленно арестовать наглецов! — рявкнул на отёчного сержанта младший лейтенант.

— Кхе! — призывно кашлянул в кулак старшина и в то же мгновение отёчный сержант оказался лежащим на земле с плотно прижатыми к бокам руками — можно было вязать, как пленного немца. Оба автомата валялись неподалёку. Младший лейтенант также корячился на земле, кряхтел, выплевывая изо рта сгустки слюны и даваясь сохлым козым горохом.

— За всё рассчитаюсь, — выбил он из себя с очередным плевком, — сполна!

— Слепой сказал: «Посмотрим!» — хмыкнул старшина и вновь поднёс к его носу кулак: — Кхе!

Прошло ещё несколько мгновений, и трофейщики очутились за изгородью. Младший лейтенант отряхнул свои роскошные штаны.

— Берегись, старшина, — угрюмым голосом предупредил он, — я тебе по всем параграфам счёт выставлю!

— Для начала тебе ещё надо будет объясниться с моим командиром, — старшина привычно хмыкнул, — а уж потом мы будем объясняться с твоим. Соломин, выдай гражданам тыловикам ихние манатки.

Соломин проворно поднялся по лестнице на чердак, откуда продолжал сочиться дым, уже заметно ослабший, вышвырнул несколько мешков, набитых барахлом, высунулся в дверь:

— Верхний этаж свободен от посторонних предметов.

— Ну а с нижним мы вообще справимся подручными средствами, — старшина перекинул мешки с барахлом, затем стянул с плеча верный автомат ППШ, приладился и ловко, одним ударом приклада сшиб с клуни нарядный трофейный замок. Сделал рукой широкий приглашающий жест: — Битте-дритте, славяне!

Клуны также были забиты мешками, старшина насчитал их целых двадцать, озадаченно поскрёб пальцами затылок. Соломин сделал то же самое:

— Не дай бог чего-нибудь пропадёт! Тогда нас на котлеты пустят.

Старшина покосился на изгородь: как там трофейщики? Всё продолжают воздух сотрясать или уже успокоились? А трофейщиков уже и след простыл. Вместе с мешками и сонной девахой. Ловко они научились покидать «поле боя» — будто духи бестелесные. А ведь этот младший лейтенант, видевший немцев только окочурившимися, да ещё, может быть, в колонне пленных, действительно может иметь в штабе какого-нибудь знакомого подполковника, падкого до трофейного добра, и тот за штуку немецкого сукна или позолоченный эсесовский кортик может запросто навалиться на разведчиков всей тушей.

Впрочем, старший лейтенант Горшков тоже не лыком шит — у него также свой знакомый подполковник есть.

Мешки трофейщиков без всякой опаски выволокли во двор и заняли прежние, уже освободившиеся места. Старшина беспечно прыгнул на ворох сена, вытянулся на нём с молодым хрустом, закинул руки за голову: хорошо быть дома!

Мустафа занял место недалеко от Охворостова, кинул в изголовье «сидор», в котором не было больше ни одной консервной банки — всё выставил на «прописку» — и очень скоро провалился в сон.

Снился ему лагерь, те самые светлые минуты, когда раздавали хлеб и в руках оказывалась вкусно пахнущая, приятно-тяжёлая пайка, снилось бронзовое тускловатое солнышко, заползающее за косой край земли и что-то ещё, кажется, кони, точнее — топот их, самих коней не было, а был отчётливо слышен их недалёкий дробные топот, — вот этот топот и снился Мустафе.

И настолько крепок был его сон, что он не услышал, как в клуне появился старший лейтенант, обвёл усталым взглядом людей, остановился на Мустафе и спросил неожиданно:

— Ну как, старшина, годится нам Мустафа, али как? Как считаешь?

— Нормальный мужик. Обучим кое-чему и можно будет пускать в самостоятельную разведку.

— Я тоже так считаю. Забили это дело, Егор Сергеевич. А чего тут у вас с барахольщиками произошло?

— С трофейщиками? Вы и это уже знаете? — брови у старшины сложились удивлённым домиком.

— Ворона в клюве принесла.

— То-то их толстозадый предводитель грозил нам...

— Он свою угрозу выполнил, даже успел накатать на нас телегу, но на его несчастье в штабе оказался начальник разведки корпуса и всё поставил на свои места — барахольщикам даже извиняться пришлось...

— Это хорошо, товарищ командир, — старшина потёр руки, — это мне очень нравится.

— Да и толстяк этот, гауптман, тоже оказался ценным кадром. Всех, кто брал его, велено представить к медалям.

— Отличная новость, товарищ старший лейтенант! — Охворостов проверил пуговицы на гимнастёрке — все ли на месте, застегнул воротник, отряхнулся, сбивая с себя остья сена. — Отлучиться разрешите, товарищ старший лейтенант!

— Это куда же? — Горшков сощурился.

— В штаб!

Старший лейтенант вспомнил девушек-связисток, синеглазую Асю и позавидовал Охворостову, простоте его отношений с дамским полом, — сам он так не умел, робел...

— Давай, старшина, имеешь право!

Старшина сдвинул складки под ремнём гимнастёрки назад, браво выпятил грудь — выглядел он на все «сто».

— Товарищ командир, осмелюсь доложить...

— Ну!

— У меня сегодня день рождения.

Горшков присвистнул удивлённо: совсем забыл на войне, что существуют такие простые штатские штуки, как дни рождения. Господи, да это же совсем из другой жизни, которой уже нет... Проговорил тихо — у него даже голос сел:

— Ох, старшина! Чего же мне тебе подарить?

— Ничего не надо, товарищ старший лейтенант, главное, чтобы вы сами были — это раз, и два — давайте пригласим к нам связисток... Снова. А?

— А почему бы и не пригласить?

— Есть пригласить связисток! — лицо старшины засияло удовлетворённо.

Старший лейтенант позавидовал лихой молодцеватости подчинённого и, устало выплёскивая его из головы, расслабленно опустил на сено, закрыл глаза. Когда открыл — старшины уже не было, он будто растаял.

Хотелось спать. Горшков вновь закрыл глаза и в то же мгновение провалился в тяжёлый непрозрачный сон, — что-то в странном сне этом ухало, колотилось, скрежетало, ворочалось, вызывало беспокойство... У Мустафы сон был один, у старшего лейтенанта — другой. Очнулся

Горшков от того, что почувствовал чей-то взгляд. Открыл глаза — Мустафа сидит рядом и внимательно смотрит на него.

— Ты чего, Мустафа?

— Да вот, прокручиваю в мозгу всё, что видел, когда на той стороне были.

— Ну и что?

— Достойное это дело — разведка.

— Без разведки войны не бывает, Мустафа. Всё хотел спросить тебя, да как-то недосуг было, то одно мешало, то другое — ты раньше в армии служил?

— Было дело, товарищ старший лейтенант. Не всё же время я за колючей проволокой сидел.

— В каких частях тянул лямку?

— В пограничных.

Горшков невольно поцецекал языком:

— Неплохо. А как же потом докатился де жизни такой? — старший лейтенант сложил из пальцев решётку.

— Было дело, товарищ командир, — Мустафа вздохнул с досадой — не хотелось ему вспоминать прошлое, — было. По молодости, да по глупости.

— Всё правильно, Мустафа. Каждый из нас бывает и молод и глуп... Даже в старости.

Охворостов вернулся в клуню через двадцать минут, удовлетворённо погладил пальцами усы.

— К вечеру ждём гостей, товарищ старший лейтенант, — сказал он, — узел связи нашего доблестного артиллерийского полка.

Из-под охапки сена выглянул Соломин, звучно поскрёб пальцами щетину на щеках:

— Бриться трэба!

— Не только. Желательно ещё и наодеколониться. Чтобы амбре было такое м-м-м-м, — старшина выразительно втянул в ноздри воздух, — чтобы весь узел связи улёгся к нашим ногам.

— Хай живэ и здравствует дружба между разведчиками и связистами! — Соломин окончательно выдрался из сена, сел. — Товарищ старший лейтенант, как в штабе оценили наши действия в тылу противника?

— На «ять».

— И что нам за это будет? — тон соломинский сделался задумчивым: ответ командира был неопределённым. — Медалей, я так полагаю, нам за это не дадут.

— Ну почему же, пару «зобозок» могут дать. — «Зобозками» разведчики звали медали «За боевые заслуги». — Вначале дадут, потом добавят... Либо отнимут. В нашей жизни всякое бывало.

— Верно, бывало...

— Поэтому пока не будем держать медали в руках, об этом лучше помолчим, — Горшков потянулся, сделал лёгкое, почти неуловимое движение, будто ухватился в воздухе за что-то невидимое и в следующий миг оказался на ногах.

Из связисток в голову старшему лейтенанту запала одна — синеглазая сержантша Ася... Впрочем, как разумел Горшков, Ася поселилась в мозгах не только у него одного.

Тяжесть, наполнявшая виски и затылок, после сна исчезла, в душе возникло что-то светлое, бодрое, Горшков подумал, что неплохо бы перед встречей со связистками искупаться где-нибудь, но, насколько он помнил, во всей округе не было ни одного озера, даже мелких речек и ручьёв с запрудами не было. Имелись задымленные болотистые низины, поросшие осокой, кое-где даже проблёскивали полосы воды, но в лягушачьих угодьях этих не искупаешься; Горшков пару раз намеревался поинтересоваться у хозяйки клуни, куда они ходят летом купаться — не

в водосточных же трубах плещутся, но всё время что-то мешало, не до вопросов было. Старший лейтенант отогнул рукав гимнастёрки, посмотрел на часы — до вечера было ещё далеко.

Когда нет никакого конкретного дела, время наполняется неприятной пустотой, прогибается, человек не знает, куда себя деть, а этого никак нельзя допускать, — Горшков выскочил из клуни на свет, поправил на себе гимнастёрку и, нагнав на себя командирскую солидность, отправился в жилой дом к хозяйке.

Хозяйка, старая, седенькая, с белёсыми усиками над верхней губой, сидела в распахнутых сенцах и чистила картошку, тщательно собирая очистки в сдавленное ведёрко — мечтала, когда фронт уйдёт отсюда, наши потеснят фрицев, завести какую-нибудь живность, поросёнка или козу. Увидев старшего лейтенанта, хозяйка проворно поднялась со скамейки.

— Здравия желаю, тётка Марфа, — поприветствовал её Горшков.

— И тебе того же самого, товарищ командир, — старушка поклонилась Горшкову, — в том же количестве.

— Скажи, тётка Марфа, а речка здесь где-нибудь имеется? Или пруд бы. Искупаться, помыться, постираться надо. Куда ваши мужики купаться раньше бегали?

— Не бегали, а ездили.

— Как это?

— На велосипедах. Километрах в семи отсюда речка протекает. Ия называется.

— А ближе? Ближе ничего нет?

— Нету, миленький, — лицо тётки Марфы сожаляющее сморщилось.

Семь километров во фронтовых условиях — это много. Уйти из части на семьсот метров — это ещё куда ни шло. А семь километров — это дезертирство.

— Как же это вы моетесь, тётка Марфа? Ведь в селе же у вас ни одной бани.

— В кадках, товарищ командир, в кадках. В тех самых, в которых потом капусту и огурцы солим.

Горшков представил себе, как какой-нибудь замшелый, до костей пропитанный вонючим потом мухрик промывает в кадке свои пахучие причиндалы, освобождается от дурного воздуха, набившегося в желудок, затем, выплеснув из кадки грязную воду, забивает её свежей, мелко порубленной капустой, — и передёрнул плечами.

— Ну и нравы у вас, тётка Марфа...

— Так повелось ещё со времён царя Алексея Тишайшего, — ответила шустрая старушонка. — Народ у нас небрезгливый, спокойный.

— Всё ясно, тётка Марфа, — старший лейтенант козырнул хозяйке, будто высшему воинскому чину и вышел из сенцев. Уже за дверью пробормотал невнятно: — Все ясно, что ни хрена не ясно.

Искупаться, привести себя в порядок было негде, ехать за семь километров речных раков тащить никто им не позволит, придётся воспользоваться бочкой.

Связистки тоже готовились.

Правда, двое из них — хохотушка Катя и красавица Жанна находились ещё на дежурстве, но это ничего не значило, к пятнадцати ноль-ноль они должны освободиться, Ася же с Инной стареньким заполненным горящими углями утюжком гладили гимнастёрки с юбками и чистили кирзовые сапоги.

Одежду гладили на всех, на всю команду, чтобы девочки, придя с дежурства, не теряя времени, переоблачились, подначепурились и, похорошевшие, всей гурьбой двинулись бы к разведчикам.

— Разведчики — это элита армии, — глубокомысленно размышляла тем временем Ася, — в штабных бумагах на первой строчке стоят.

— На тебя глаз положил старшина, — прервала её Инна.

— А мне их командир глянулся...

— Мне старший лейтенант тоже нравится, — призналась Инна, — он такой... интеллигентный, обходительный. Взгляд умный.

— Господи! — Ася прекратила гладить, потянулась сладко. — Если б не было войны... как было бы хорошо! Я бы обязательно поехала в Москву.

— Я тоже хочу в Москву, — встрепенулась Инна. Вся серьёзность стекла с неё, будто дождевая вода, угрюмые глаза потеплели.

— Сходила бы в Большой театр, потом в Малый, — не слыша её, продолжила Ася, — а потом...

— Я бы тоже в Большой театр сходила бы, и от Малого не отказалась... Это так интересно!

— А потом бы я поступила в институт, — сказала Ася.

— В какой?

— Ну, конечно же не в связь — неинтересно. Поступила бы в институт, где художников по модам готовят. Вот это была бы жизнь!

— Всё это мечты, Аська, мечты несбыточные. А пока мы имеем фронт, грязь, боль, редкие письма из дома, приставания обовшивевших мужиков, вырвавшихся из окопов в ближний тыл. Собственно, ты сама всё это знаешь, чего я тебе говорю. И пока война не кончится, ни о каких институтах ни думать, ни мечтать просто не моги, Аська!

— М-да, нарисовала ты мне перспективу! Даже пальцы дрожать начали.

— А вот этого не надо, — повысила голос Инна, — Отруби!

— А ты, оказывается, жестокая, — неожиданно проговорила Ася.

— На войне невольно станешь жестокой, — отмахнулась от начальницы Инна, — сама знаешь.

Лёгкая тень пробежала по лицу Аси, оставила свой след, улыбка, гулявшая на губах, исчезла. Война научила её жить одним днем: остался день позади — и хорошо, Бог подарил его, теперь надо вымаливать другой день, с тревожными глазами ловить следующие сообщения — не прорвались ли где немцы, не сбросили ли в нашем тылу десант, не засечено ли в тылу немецкой тяжёлой артиллерии, которая может обстрелять любой, даже на двадцать километров удаленный от линии фронта штаб и так далее... Шансов погибнуть у любой из девчонок-связисток было много больше, чем шансов выжить.

— М-да, — удручённо пробормотала Ася, — ручки тоненькие, ножки тоненькие, а жить-то хочется. А я, дурёха, про Москву распространяюсь, про институт, где художников по красивой одежде готовят... Тьфу!

— Не расстраивайся, Аська! — подластилась Инна к подруге. — Это я тебе ложку дёгтя в бочку мёда ливанула. А ты и скукожилась. Не сдавайся, подруга, держи нос выше!

— Ага! — Ася хмыкнула. — А хвост пистолетом.

Вспомнился дом в родной деревне, пахнувший хлебом и драчевниками — круглыми толстыми лаптями-оладьями из бульбы, которые нигде так ловко и вкусно не готовят, только в Белоруссии, картошка здесь — главный продукт; речка также вспомнилась, ещё — хороводы у костра и ночной языческий праздник Иван Купала... Сердце у Аси защемило, в груди возникла боль, Ася невольно вздохнула: привыкла реагировать на всё, что слышит ушами.

И Инка, лучшая подруга, не смогла сдержаться, опрокинула грязную кастрюльку на чистую косточку. Стоит ли теперь вообще думать о Москве? Ася печально, уголками рта, улыбнулась, губы у неё задёргались обиженно, будто она собиралась заплакать. Преодолевая себя, она улыбнулась ещё раз, невесело отёрла пальцами глаза, ногтями подбила снизу ресницы — пусть пушатся... Живы ли её родичи в Белоруссии, под оккупантами, кто знает? Никто не знает. Вот когда освободят Белоруссию, тогда и станет всё известно. Спросила, приходя в себя:

— Инк, а ты когда-нибудь губной помадой пользовалась?

Та недоумённо приподняла одно плечо, потом второе:

— Никогда.

— И я никогда. Я даже не видела её, в деревне у нас девки красились свекольным соком.

— Я, конечно, видела губную помаду, но давно, последний раз — осенью сорок первого года, перед поступлением на курсы связисток.

— Как давно это было, — Ася жалостливо шмыгнула, обняла подругу, — да и было ли это вообще? Иногда мне кажется, что все годы, которые мне довелось прожить, гремела война, ни на минуту не прекращалась война, мирного времени не было совсем.

— А ведь оно было, Аська! Точно было!

— Представь себе, не помню, — призналась Ася. — Хотя во сне, бывает, вижу свою деревню, тихую, с коровами на взгорке и высокими белыми дымами, висящими над крышами...

Юбки с гимнастёрками они погладили быстро, и сапоги начистили быстро, остальную амуницию подружек, находившихся на дежурстве, тоже приготовили быстро, после чего стали терпеливо ждать, когда же из штаба вернутся их товарки.

Время в таких случаях, когда делать нечего, тянется еле-еле, минуты на глазах обращаются в часы. Ася подумала о том, что если бы она находилась у себя дома, в деревне, в Ушачском районе, то нашла бы себе занятие живо, да такое занятие, что время, набрав скорость, только бы свистело-посвистывало: работы дома всегда было много.

Она вновь опечалилась: стоит ли он сейчас на земле, дом её родной, целы ли стены, живы ли маманя с отцом, всё ли в порядке с соседями, сохранились ли укромные места её детства, обязательно вызывающие внутреннее щемление при всяком, даже лёгком воспоминании? Всё-таки детство прочно сидит в каждом человеке до самых седых волос. И, наверное, это хорошо, люди, помнящие своё детство, всё светлое, оставшееся в нём — это хорошие люди. Эх, детство... Даже не верится, что оно было! Ася вздохнула, помяла пальцами горло, пропихивая внутрь болезненный комочек, возникший внезапно, снова отёрла пальцами глаза.

Ровно в три часа дня с дежурства вернулась Катя, через несколько минут прискакала Жанна, обе голодные, шумные; первым делом во дворе, где имелся летник — небольшая летняя кухонька, — разожгли плиту и вскипятили чайник, неумело, немецкой финкой, открыли банку с консервами — одну на двоих, «Яловычина з чорным перцем на лавровом листья» называется, из стратегических запасов, поставили её на стол, от буханки отпластали несколько ломтей серого жёсткого хлеба.

— Ася! Инка! Давайте с нами чай пить, — прокричала Катя призывно, вытянула голову, пытаясь понять, услышали её Ася с Инной или нет?

В окно домика высунулась Ася, улеглась крупной грудью на подоконник.

— Вы, девки, думаете поторапливаться или нет? Скоро разведчики придут. У ихнего старшины сегодня день рождения.

Усталые от дежурства связистки проворно забренчали алюминиевыми ложками, кромсая душистую тушёнку на куски — ведь до прихода разведчиков ещё и намарафетиться надо, а всякий марафет требует времени, — и мысли свои привести в порядок нужно, и улыбку нагнать на лицо, этакую прочную победную улыбку, чтобы ни при каких обстоятельствах она не угасала... Даже если над головой будут свистеть пули.

Разведчики тоже готовились к встрече. Очень даже кстати им подвернулся хороший повод — день рождения старшины Охворостова. Даже если б этого рождения не было вовсе, его надо было бы придумать специально.

Всех, кто жил в клуне, охватило некое нетерпение, в том числе и старшего лейтенанта, разведчики пришивали к гимнастёркам чистые подворотнички, брились, сапоги драили до такого блеска, что в заношенные кирзачи можно было смотреться.

Вот что может сделать прекрасный пол с мужиками, вот оно, ещё одно доказательство того, что женщина может вить из мужчины верёвки. Горшков сказал об этом старшине.

Тот беспечно махнул рукой:

— Как совьёмся, так и разовьёмся, это дело добровольное. При желании вообще могу сложиться конфеткой и залезть в кондитерский кулёк.

Старший лейтенант засмеялся — не мог себе представить Охворостова сидящим в конфетном кульке.

Было тихо, мирно. Над клуней безмятежно голубело небо, плавали невесомые облака, в округе было тихо, как никогда — выстрелы не звучали, разведчики не засекли ни одного. Тыл есть тыл. Хотя и в тылу тоскующий по запаху пороха люд иногда затевает такую канонаду, что она бывает слышна в самом Берлине.

Побрившись, Горшков оглядел себя в осколок зеркала, провёл по щекам пальцами и остался доволен: выглядел он если не на пять, то на четвёрку тянул точно.

Говорят, зеркало — изобретение чертенячье, светлые силы небесные к нему не причастны. Недаром всякий колдун, даже самый квелый, начинающий, обязательно обкладывается во время своих сеансов зеркалами — он черпает в них свою силу, хорошее зеркало для него всё, что для шахтёра Стаханова отбойный молоток — так и начинает ковать судьбы людские. А с другой стороны, как без зеркала побриться? В сапог, что ли глядеть?

Острый слух старшего лейтенанта засёк слабый стук, раздавшийся в пустоте пространства — ну, будто бы в воздухе лопнул водяной пузырь, звук, перекочивав из воздуха в землю, легонько, едва ощутимо толкнулся снизу в ноги и затих. Горшков насторожился: это было что-то необычное. Встрепанно огляделся — нет ли чего опасного поблизости?

Нет, ничего не было: по-прежнему ярко голубело небо, влекомые слабым молочным ветерком неторопливо плыли на запад облака, пели птицы. Ничего необычного. Тогда что же за звук родился в пространстве? Этого Горшков не знал и продолжал встревоженно оглядываться, искал причину беспокойства.

Из клуни выглянул Охворостов.

— Товарищ командир, вы готовы?

Горшков вновь провёл ладонью по щекам, сделал это машинально, качнул головой немо, он всё сейчас делал механически, бесконтрольно, продолжая пребывать в нарастающей тревоге. Что-то должно было сейчас произойти. А что именно, он не знал.

— Мне пора бежать за девушками, товарищ старший лейтенант, — Охворостов не смог сдержать радостной улыбки. — Бегу!

Стерший лейтенант кивнул бесконтрольно — он никак не мог понять, что в эту минуту происходит, где конкретно родилась тревога и когда она пройдёт. Махнул рукой Охворостову, а сам вновь напряжённо вытянул голову.

Вверху, в небесах, неожиданно что-то скрежетнуло железно, будто вагон на крутом повороте чуть не вывернул себе колёса, звук исчез так же внезапно, как и родился. Над деревенскими домами продолжали безмятежно плыть облачка.

И тут старший лейтенант понял, что происходит, а точнее, что должно произойти через несколько секунд. Звук лопнувшего пузыря и толчок под ногами был не чем иным, как выстрелом дальнобойного орудия — немцы подтянули на этот участок фронта тяжёлую артиллерию.

Частичное подтверждение этому разведчики нашли в последней вылазке за линию фронта, прощупывая машины, идущие с грузами в старый военный городок: в кузове одной из машин лежали громоздкие, похожие на морские торпеды снаряды. Честно говоря, они и подумали, что это и есть торпеды для подводных лодок, случайно попавшие на сушу.

Старшина, которому не понравился необычный вид командира, продолжал стоять в дверях клуни с вопросительно вытянутым лицом.

— Все из клуни! — очнувшись, громко прокричал Горшков. — Немедленно из клуни!

Эх, хорошо было бы, если б рядом была воронка, можно было бы скатиться в неё, растапаться на дне, но воронки не было.

— Все из клуни! — вновь, срывая себе голос, прокричал Горшков.

В воздухе, в пугающей выси, за облаками, опять раздался железный скрежет, заставил старшего лейтенанта пригнуться, он вывернул голову, глянул вопросительно на небо, но и на этот раз ничего не понял, помотал головой, словно пытался вытряхнуть из ушей какой-то мусор, с кашлем втянул в себя воздух.

Ждать пришлось недолго — всего несколько мгновений — в выси что-то лопнуло вторично, только на этот раз звук был очень громким, жёстким, железным, до крови забил уши, следом послышался вой падающего снаряда.

Значит, всё-таки тяжёлая артиллерия... И торпеды, о которых Горшков докладывал в штабе, были вовсе не торпедами, а крупнокалиберными снарядами.

Разведчики по одному вылетели из клуни, последними выскочили Мустафа и Пердунок.

— Ложись! — прокричал Горшков, придавил рукой что-то, втянул в себя воздух, выдохнул и прыгнул под изгородь, боком прижался к ней.

Воздух над головой треснул, в землю всадилось что-то тяжёлое, будто въехал дом, тело старшего лейтенанта невесомой пушинкой взлетело вверх, — падая, он перевернулся, отшиб себе живот и ноги, глаза и рот забило пылью, сделалось темно.

В плотной, почти вечерней темноте этой клуни приподнялась одним боком, будто живая, такова была сила взрывной волны, — и в воздухе начала разваливаться. Она распадалась на брёвнышки, на обрезки досок, на колы и подпорки с перекладинами, будто сшита была не гвоздями, а гнилыми нитками. С хозяйкиного дома сорвало трубу, склёпанную из оцинкованного железа, с силой швырнуло во двор клуни, смяло, словно бумажную.

За первой взрывной волной принеслась вторая, которая была хоть покороче и послабее, но всё равно была сокрушающая — сорвала с дома тётки Марфы половину крыши, та огромным, скрипучим, на ходу теряющим клочья кровли крылом взвилась вверх, затрещала громко и унеслась на зады огородов.

На Горшкова свалилось несколько деревяшек, следом — расщеплённая доска, он прикрыл голову руками, ожидая, что свалится что-нибудь увесистое, напрягся, будто перед ударом, но удара не последовало.

Запахло резко, какой-то химической кислотой, смешанной с духом гнилого чеснока...

Было понятно — немцы вычислили, где находится штаб, и били по нему, но не попали. Странно всё-таки, почему они произвели только один выстрел, а не накрыли село целой серией? Побоялись демаскировки? Нет, тут было что-то другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.